4
П-71
73
Б-ка

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 73

I. Л. С. БАЮН

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УСТРОЙСТВОМ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

II. О. В. СТОЛБОВА

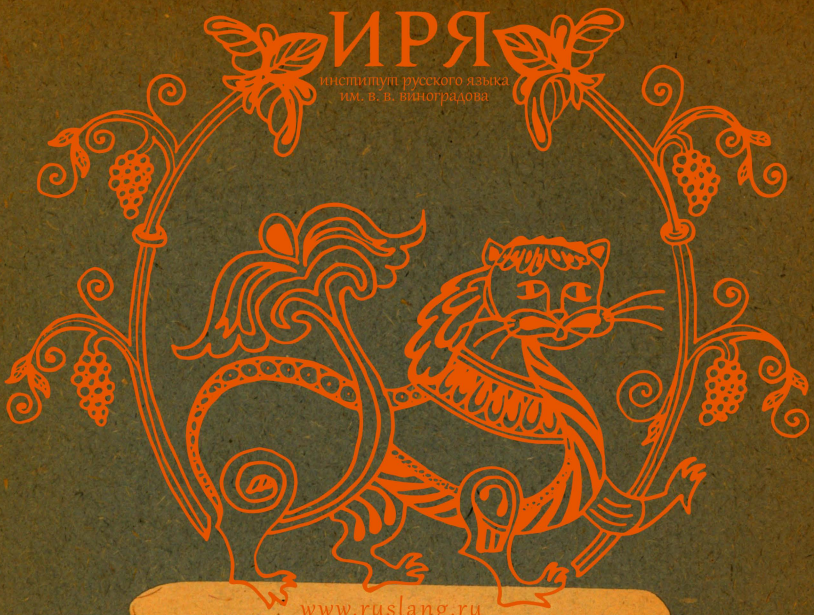
К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

III. Е. В. УРЫСОН

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПАРАДИГМЕ ИМЕНИ

Москва — 1975

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

70623

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 73

I. Л.С. БАЙН
НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УСТРОЙСТВОМ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

II. О.В.СТОЛБОВА
К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

III. Е.В. УРЫСОН
ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПАРАДИГМЕ ИМЕНИ

Москва 1975

4
П-71 73
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУ[illegible]
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
70623

Л.С.Баюн

Некоторые наблюдения над устройством именных парадигм (на материале хетто-лувийских языков).

Именное склонение в хетто-лувийских языках складывалось в результате взаимодействия тенденций, обусловленных разнообразными факторами: сосуществованием в хетто-лувийской именной парадигме явлений, восходящих к разным временны́м срезам (общеиндоевропейскому, общехетто-лувийскому, периоду раздельного существования хетто-лувийских языков); языковой ситуацией, сложившейся в Малой Азии во III–II тыс. до н.э. (тесными контактами с неиндоевропейскими языками – протохеттским, или хаттским, хурритским, аккадским). Все это способствовало, с одной стороны, сохранению в анатолийских языках большого числа архаизмов на всех уровнях, с другой стороны, распространению в этих языках элементов и конструкций, не находящих надежных индоевропейских соответствий.

Исходная падежная система, реконструируемая для общеанатолийского на основании фактов известных хетто-лувийских языков (см. приложение, стр. 1° и сл.) и с учетом индоевропейских данных включает следующие 6 падежей:

И общ. ед. -s , и.-е. *-s ср. ед. -Ø , -n , и.-е. *-Ø, *-n
В общ. ед. -n , и.-е. *-N мн. (соб.) -a, и.-е. *-ā.
P_1 -as , и.-с. *-os/es
P_2 общ. -an , и.-е. *-ŏN
Д ед.-ai, -a , и.-е. *-o/ei

М ед. - i, и.-е. *-i
Т -t (см. ниже, стр. 20), и.-е. *-eD/-D.

Допуская, что восстановленной системе в определенный период соответствовала некоторая лингвистическая реальность, мы считаем целесообразным рассмотреть устройство общеанатолийской именной парадигмы с тем, чтобы более наглядно представить то направление, в котором шло развитие именной флексии в каждом из хетто-лувийских языков.

Противопоставление падежных граммем в системах (как реконструированной, так и реально существовавших) и характеристика конкретных граммем падежей будут описаны с помощью трех дифференциальных признаков: объемности, направленности и периферийности[1]. Признак объемности указывает на участие предмета в высказывании в том или ином объеме и характеризует родительный и местный падежи. Признак направленности определяет направление на предмет[2] и отличает винительный и дательный падежи. Признак периферийности, отмечающий побочную роль предмета в высказывании, характеризует дательный, местный и творительный падежи.

Граммема именительного падежа образуется пересечением признаков необъемности, ненаправленности, непериферийности и является, таким образом, немаркированным членом противопоставления. Граммема винительного падежа образуется пересечением признаков направленности, необъемности, непериферийности. Граммему родительного падежа образуют дифференциальные признаки объемности, ненаправленности, непериферийности. Граммема местного падежа характеризуется пересечением признаков объемности, периферийности, ненаправленности[3]. Граммема дательного падежа образуется пересечением различительных признаков направленности, периферийности,

---

[1] См. R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP VI, 1936, стр. 240-288; И.М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние Л., 1967; в применении к конкретным падежным системам см. В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Санскрит. М., 1960, стр. 79-80; В.В. Иванов, Х(еттский) я(зык). М., 1963, стр. 114 и сл.

[2] Или от предмета - при наличии в системе отложительного падежа.

[3] Признак направленности (с отрицательным значением) у родительного и местного падежей является избыточным (см. схему I и таблицу I).

необъемности. Наконец, признаки периферийности, необъемности, ненаправленности образуют граммему творительного падежа[I].

Таблица I

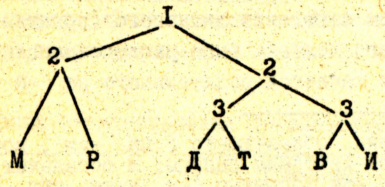
Матрица отождествления общеанатолийских падежных граммем

Признак	Граммема					
	именительный	винительный	родительный	дательный	местный	творительный
объемность	–	–	+	–	+	–
периферийность	–	–	–	+	+	+
направленность	–	+	0	+	0	–

На схеме I представлено дерево граммем общеанатолийских падежей, узлы которого соответствуют проверке на какой-либо признак и каждая граммема однозначно определяется за два (М и Р) либо за три (Д, Т, В, И) шага.

Схема I

Дерево граммем общеанатолийских падежей*

Обозначения:
I – объемность
2 – периферийность
3 – направленность

[I] В дальнейшем, при рассмотрении падежных систем хетто-лувийских языков, характеристика граммем падежей не повторяется в тех случаях, когда набор признаков соответствующей граммемы остается неизменным.

* Здесь и на всех остальных схемах левые ветви соответствуют плюсам, правые – минусам.

Как свидетельствует материал, приведенный на стр. I-2, в общеанатолийской парадигме имеет место морфологическая нейтрализация падежных противопоставлений, причины которой следует усматривать в исходной недифференцированности значений, обусловленной синтактико-семантическими факторами. I. И:В. Противопоставление по признаку направленности нейтрализуется в парадигме имен среднего рода. 2. И:P_I. Противопоставление по признаку объемности устраняется у тематических основ общего (несреднего) рода. 3. В:P_2. Противопоставление по признаку направленности устраняется у тематических основ общего рода[I].

Все эти явления, типичные для древних индоевропейских языков, отражают некоторое архаичное состояние, при котором падеж активных имен на -s был противопоставлен неактивному падежу с показателем -$\varnothing$, позднее -N [2], вследствие чего часть имен (исторический средний род) могла иметь только неактивную форму (субъект непереходного глагола и объект переходного глагола), а часть (хетто-лувийский общий род) - как активную форму на -s (субъект переходного глагола), так и неактивную на -N (объект переходного глагола). Следствием появления активного (эргативного) падежа в функции родительного деятеля было распространение формы с -s на Р (х.-л. P_I)[3]. Что касается родительного на -N (х.-л.

[I]Родовая принадлежность имени, образующего Р на -an, восстанавливается благодаря древне-хеттским данным; в остальных анатолийских языках P_2 отражен или косвенно (см. ниже, стр.), или в виде пережиточного явления.

[2]Интерпретируется как противопоставление эргатива и неэргатива в работах В.В. Иванова, А.Н. Савченко и других исследователей. О хронологии появления -N в И-Е ср. см. В.В. Иванов Э(ргативная к(онструкция в о(бщеиндоевропейском). - "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов". Тезисы докладов. Л., I964; I7-2I.

[3]См. В.В. Иванов, ЭКО, где отмечается, что в языках с противопоставлением эргатива и неэргатива эргатив может выступать в функции родительного.

-an), то по своей семантике этот падеж был родительным партитивным имен активного класса. Немаловажно совпадение формантов В общ. и P_2. Это может объясняться старым употреблением P_2 в конструкциях с партитивной оппозицией, где часть и целое формально не различаются[1], ср. хет. LU .ULU -an EL-LAM KAxKAK-set...(wak) "свободного человека нос его ... (укусит)" (H. Gesetze, §13 ; вариант LU . ULU-aš EL-LAM - aš с P_I).

Дальнейшее развитие общеанатолийской падежной системы в трех древних языках - хеттском, лувийском и палайском - приводит к изменению функциональной нагрузки отдельных ее элементов, к возникновению новых оппозиций и продолжению некоторых старых тенденций.

Именное склонение в хеттском

Древнехеттская именная парадигма включала 7 падежей: И, В, Р, Д, М, О, Т, отношения между которыми представлены в табл. 2. В древнехеттском заметно увеличение удельного веса оппозиции направленность : ненаправленность, по которой противопоставляются необъемные периферийные падежи: направленный отложительный и ненаправленный творительный (см. табл. 2, сх. 2; прил. I)[2].

Таблица 2

Матрица отождествления древнехеттских падежных граммем

Признак	Граммема						
	именительный	винительный	родительный	дательный	местный	творительный	отложительный
объемность	-	-	+	-	+	-	-
периферийность	-	-	-	+	+	+	+
направленность	-	+	0	+	-	-	+

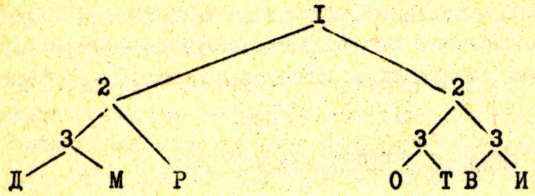
[1] В том случае, если партитивная оппозиция не является инновацией, см. В.В. Иванов, ХЯ, стр. 135-136.

[2] В новохеттском, однако, удельный вес данной оппозиции вновь приближается к исходному за счет того, что противопоставление по признаку направленности устраняется у Д и М и образуется единый дательно-местный падеж (см. ниже, со ссылкой на работу: В.В. Иванов, ХЯ, стр. 114 и сл.)

Нейтрализация противопоставления по признаку объемности имеет место у Д и В в случае винительного пути, где возможно употребление дательного падежа, ср. nu kururi KUR-e paizzi "и во вражескую (дат. ед.) страну (вин. ед.) пойдет"[1]; nu E-ir-šet--pat arnuzi "и в дом (вич. ед.) свой (вин. ед.) принесет"[2].

Схема 2

Дерево граммем древнехеттских падежей

Обозначения:

I - объемность

2 - периферийность

3 - направленность

Появление отложительного падежа вместо местного в последовательностях типа šullanaz ... kuenzi "в ссоре убьет"[3] можно объяснить как нейтрализацию противопоставления по признаку объемности у М и О в определенном синтаксическом контексте. Замена родительного падежа на -aš отложительным на -az (ср. uttar tuppiaz "слово (с) таблички"[4], также uttaŗ tuppijaš "слова

---

[1] H. Gesetze, T I, § 23.

[2] H. Gesetze, T I, § 19. С исторической точки зрения здесь налицо, очевидно, старая форма дательно-местного падежа с нулевым алломорфом. Аналогичным образом можно понимать винительный времени в сочетании šanija šiwatt "в тот же день" (дат. ед. прилагательного и вин. ед. имени), см. (Г.Г. Гиоргадзе) "Текст Аниттъ" (и некоторые вопросы ранней истории хеттов). - ВДИ, 1965, №4; синхронно же это нейтрализация противопоставления по признаку объемности у В и М, ср. šanija witti "в тот же год" ("Текст Аниттъ") с существительным в местном падеже.

[3] H. Gesetze, T I, § I; И. Фридрих переводит как "infolge eines streites".

[4] Bo TU 23A, §30 , II, 47 сл. Цит. по Г.Г. Гиоргадзе, "Текст Аниттъ".

таблички" в "Тексте Анитты") свидетельствует о нейтрализации оппозиции по признаку объемности у Р и О[1].

Как случаи морфологической нейтрализации отмечаются формальное совпадение И:В ср. ед./мн.[2], Р:Д мн. (-aš) всех без исключения основ, В:Р общ. ед. (формант -an , см. выше, стр. 6-7), И:Р общ. ед. (-aš, -uš).

В новохеттский период число падежей именной парадигмы сокращается за счет синкретизма Д и М (см. табл. 3, сх. 3)[3]. В качестве синтаксических нейтрализаций можно назвать[4] устранение противопоставления И:В по признаку направленности у глаголов со значением "болеть",ср. ta-an iš̌tarnikzi "и он (вин. ед.) заболеет" (H. Gesetze, T I, §10); И:Р по признаку объемности в образованиях на -aš от имен среднего рода, выступающих в функции именительного падежа деятеля, ср. tajazil "кража" > tajazilaš "(тот) кражи" = "вор"[5]; Р:В по признаку объемности в конструкциях с партитивной оппозицией, ср. IR-nan naš̌ma GEME-an QA-AZ-ZU ... tuwarnazzi "раба (род. ед.=вин. ед.) или рабыни (род. ед. = вин. ед.) руку ... сломает" (H. Gesetze, T I, §12), вариант IR-naš̌ ... GEME-aš̌ (род. ед.; H. Gesetze, T I, §22); В: ДМ по признаку объемности, в случае винительного пути (ср. выше, примеры из др.-хет.); ДМ:О по признаку объемности в конструкциях с прилагательными, выражающими степени сравнения, ср.

---

[1]Вполне вероятно, что в хеттском, как и в палайском, написание -az могло передавать фонетическое -aš , ср. пал. им. ед. papaz/papaš "отец", annaz/annaš "мать".

[2]У основ на -r- и у некоторых гетероклических имен на -ātar, -eš̌šar не происходит нейтрализации по числу в И-В, так как в И-В мн. появляется окончание -i , ср. kurur "вражда"; враждебный"/kururi, upreš̌šar "посылка"/upreš̌šarri ; основы среднего рода на -r/n- отличают И-В ед. от И-В мн. удлинением последней гласной, ср. uttar "слово; дело"/uddār ,см. И. Фридрих, (Краткая грамматика) х(еттского) я(зыка), М., 1952, стр. 67-69; В.В. Иванов, ХЯ, стр. II8.

[3]Приводятся по книге: В.В. Иванов, ХЯ, стр. II4, II7.

[4]См. подробно В.В. Иванов, ХЯ, стр. II5 и сл.

[5]И. Фридрих, ХЯ, стр. I3I .

anzel TI-anni UL ŠA BĒLUNI TI-tar nakki[1] "нашей жизни (дат.-мест. ед.) не важнее жизнь нашего господина" также

(HAB, 2I9 и сл.); ДМ:Р по признаку направленности в конструкциях, служащих для выражения принадлежности, ср. A-NA wasanni-ma pargatar-še 6 IKU "высота же wasanna (пристанища, дат. ед.) 6 ику"[2]; О:Т по признаку направленности при обозначении орудия или средства действия, ср. natzakan našši tešhit uwallu našmat arijašešnaz pandajattaru"(что является причиной мора), то это или сном (т.е. во сне, твор. ед.) увижу, или это оракулом (отл. ед.) будет установлено"[3].

Таблица 3

Матрица отождествления новохеттских падежных граммем

Признак	Граммема					
	именительный	винительный	родительный	дательный местный	отложительный	творительный
периферийность	-	-	0	0	+	+
направленность	-	+	-	+	+	-
объемность	-	-	+	+	-	-

Примечание: признак периферийности, принимающий положительное значение у ДМ и отрицательное у Р, для этих падежей является избыточным (см. В.В. Иванов, ХЯ, стр. II4; см. также сх. 3).

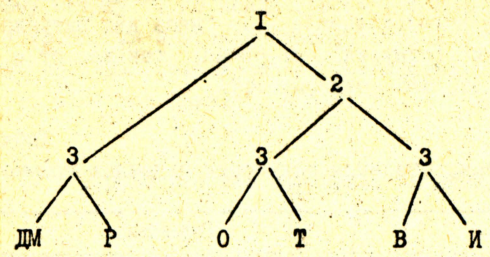
[1] И. Фридрих, ХЯ, стр. I34.

[2] И. Фридрих, ХЯ, стр. I29-I30, там же пример на род. сравнения.

[3] И. Фридрих, ХЯ, стр. I33.

Схема 3

Дерево граммем новохеттских падежей[I]

Обозначения:

I – объемность
2 – периферийность
3 – направленность

Довольно многочисленны случаи нейтрализации противопоставления отдельных падежных форм[2]: И:В ср. ед./мн.[3]; И:Р общ. ед. (-aš, см. прилож.); В:Р общ. ед. (-an); Р:ДМ мн. (-aš); И:В:ДМ ср. ед. (-ai, -i, -Ø, см. В.В. Иванов, ХЯ, стр. I2I); И:Р:ДМ общ. мн. (-aš).

Именное склонение в палайском

Палайская падежная система включает 5 падежей: И, В, Р, ДМ, Т[4] (см. табл. 4, сх. 4, прилож.). Подобно новохеттскому (и всем анатолийским языкам, кроме древнехеттского) в палайском старые дательный и местный, противопоставленные по признаку направленности, совпали в одной форме ДМ. Творительный падеж (флексия -at) принимается на основании пал. kiat "здесь" ~ хет. kēt (тв. ед. < ka- "этот") "здесь"; во фрагменте KUB XXXV I65 ("Formule

---

[I]Сх. 3 отличается от схемы, приведенной в книге: В.В. Иванов, ХЯ, стр. II7, тем, что здесь (как и везде в нашей работе) левые ветви соответствуют наличию признака (+), а правые – его отсутствию (–).

[2]В.В. Иванов, ХЯ, стр. II7-I2I.

[3]Ср. однако сн. 2 стр. 9 настоящей работы.

[4] (см. на след. стр.)

des pains") также, видимо, перед нами формы творительного падежа (в отложительном значении): ... aškumauwaga waqqanta; ḫuwaššannikat KI.MIN, ḫuwanḫuwanikat KI.MIN, qaššutat KI.MIN, ḫarišat KI.MIN, ginukat waqqanta ... "мяса для ритуала откусил; от ḫuwaš. так же (откусил), от ḫuwan. так же, от q. также, от ḫar. так же, от gin. откусил..."[1]

Таблица 4

Матрица отождествления палайских падежных граммем

Признак	Граммема				
	именительный	винительный	родительный	дательно-местный	творительный
объемность	–	–	+	+	–
периферийность	–	–	0	0	+
направленность	–	+	–	+	0

Примечание: признаки периферийности у ДМ и Р (положительный у ДМ и отрицательный у Р) и направленности у Т (отрицательный) избыточны для этих падежей, см. сх. 4.

Вследствие ограниченности материала[2] нет возможности исчерпывающе описать парадигматические отношения между элементами па-

---

[4]А. Камменхубер признает для пал. 4 падежа, а формы на -at, которые мы рассматриваем как отложительно-творительный падеж (Т), интерпретирует иначе (см. ниже. стр. 12).

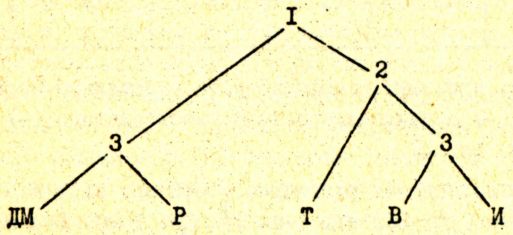
[1]Объяснение пал. ḫuwaššanikat, ḫuwanḫuwanikat и др. как сочетания имени – антецедента местоимения 3 ед. ср.–с самим местоимением, -at (ср. A. Kammenhuber. Das Palaische. (Texte und Wertschatz). – RHA 64, 1959, f.) представляется мало убедительным как из соображений смысла, так и из-за отсутствия аналогичных построений (как правило, личное местоимение и его антецедент стоят в разных предложениях в хетто-лувийских языках).

[2]В настоящее время опубликовано 12 палайских текстов ритуального и мифологического характера.

лайской падежной системы. Как пример синтагматической нейтрализации противопоставления ДМ:Р по признаку направленности в партитивной оппозиции можно указать пал. tū karti, букв. "тебе сердцу" = "твоему сердцу"[1]. Не исключено, что в палайском, как и в хеттском, устранялось противопоставление Р:ДМ в притяжательной конструкции, ср. пал. ḫalāiš-ta nī, purtaḫḫiš-ta nī "h. tibi non (est), p. tibi non (est)"[2] с дат. ед.

Схема 4

Дерево граммем палайских падежей

Противопоставление падежных форм устраняется в И:В ср. ед. И:В ср. мн (-а), ДМ:Р мн. (-аš).

Именное склонение в лувийском

В лувийском представлены 5 падежей: И, В, Р, ДМ, Т (см. табл. 5, сх. 5, прилож.). Общеанатолийское противопоставление Д и М по признаку направленности устраняется в лувийском (ср. выше, стр. 6) как в плане выражения, так и в плане содержания, следствием чего было образование единого ДМ ед. на -i, -ija[3]. Место необъемного направленного периферийного падежа в системе занимает творительный (инструментальный) на -ati.

---

[1] Formule des pains §3 A V_8 15. - A. Kammenhuber. Das Palaische. В.В. Иванов считает, однако, что tū может отражать род. местоимения, ср. хет. род. tu-ēl "твой", где -ēl- вторичный показатель родительного.

[2] Перевод по: C. Watkins. A Palaic carmen. - Indo-European Studies. Cambridge, Massachusetts, 1972, стр. 100-120.

[3] См. E. Laroche, D(ictionnaire de la) L(angue) L(ouvite). Paris, 1959, стр.

Таблица 5

Матрица отождествления лувийских падежных граммем

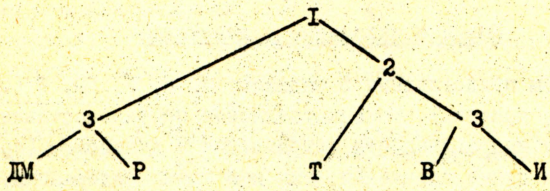
Признак	Граммема				
	именительный	винительный	родительный	дательно-местный	творительный
объемность	–	–	+	+	–
периферийность	–	–	0	0	+
направленность	–	+	–	+	0

Примечание: признаки периферийности у дательно-местного (–) и родительного (–) и направленности у творительного (–) являются избыточными (см. сх. 5).

Формальное совпадение регулярно у И:В ср. ед.; И:В ср. мн. (-a); И:Р ед. (-aš)[1]; В:Р ед. (-an)[1]; ДМ: В мн. (-anza)[2].

Схема 5

Дерево граммем лувийских падежей

[1]Вопрос о лув. Р ед. -aš и -an (мн. -nz-an) окончательно не решен: образования на -aš (ср. hirutaš EN-aš "господин клятвы") и -an (ср. immaraššan IM-ti "богу Грозы полей (букв. поля)" можно трактовать и как архаизмы; и как хеттские падежные формы в лув., учитывая, что население в отдельных районах Малой Азии II тыс. до н.э. было фактически двуязычным. О причинах редкости род. в анатолийских языках см. ниже.

[2]Некоторые исследователи полагают, что лув. дат. мн. -anza содержит фонетическое -a , тогда как в лув. вин. мн. -anza -a -графический элемент на основании мил. вин. мн. iz < *-inz, мил. дат. мн. -ize < *-inza (hapax, cize qle "в этих храмах(?)". Формы на -iz, однако, в милийском помимо И и В мн. в некоторых случаях обозначают и дательный падеж мн., ср. TL 44, с 5I-53, а -e в cize может объясняться аналогией с соседним qle.

Сравнение с хеттским и другими анатолийскими языками позволяет сделать вывод о том, что для этих языков было характерно отсутствие самостоятельной формы дат. мн.[1]: ср. хет. род. – дат. мн. -aš , пал. им. – дат. мн. -aš, иер. им. – вин. – дат. мн.-I , -aI. В ранних хетто-лувийских языках отражено, по-видимому, состояние слабой дифференцированности косвенных падежей множественного числа[2]. Анализ достаточно архаичных употреблений хеттских именных форм мн. на -aš показывает, что эти формы выступали в качестве приглагольного косвенного падежа, совмещавшего функции дательного, местного, родительного, отложительного падежей[3]. То, что в хеттском, лувийском и палайском в единственном числе существовали самостоятельные формы Р и ДМ, заставляет предположить, что первоначальная формальная и смысловая недифференцированность косвенных падежей мн. числа постепенно устранялась уже в письменную эпоху в плане содержания (материальное тождество семантически различных единиц по-прежнему сохранялось). В поздних хетто-лувийских языках удерживается тенденция формального неразличения косвенных падежей во мн. числе, ср. лид. падеж на -ν/-n : дат.-мест. мн. -aν , -ãν , -n , род.мн. -aν.

Иначе обстоит дело с род.мн. Синкретизм И-Р ед. и Р мн. в парадигме тематических имен общего рода в чистом виде наблюдается в хеттском[4]. В остальных хетто-лувийских языках своеобразной оппозицией этому явлению было развитие категории отыменных прилагательных с суффиксами -š- и -l- , ср. лув. ḫirutašši- "относящийся к клятве"< ḫiru(n)t- "клятва", kattawatnalli -"мстительный"< kattawatar "месть"[5]; иер. muwatalašiš(a) "Муваталов"[6];

---

[1] Соответствующие и.-е. показатели дат. мн. *-m-, *-bh- (см. А. Мейе. Сравнительная грамматика индоевропейских языков, М.-Л. 1938, стр. 307).

[2] См. об этом В.В. Иванов, ХЯ, стр. 129 и сл.

[3] См. А.Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке. – "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов". Л., 1967, стр. 74-91.

[4] В лувийском иероглифическом род. ед.-мн. на -as,-i(a)s совпадает с им. ед. a-основ, ср. tati(a)s "отец"; отцовский; см. P. Meriggi. Manuale di eteo geroglifico. – Athenaeum.

[5] E. Laroche, DLL , стр.

[6] И.М. Дунаевская. (Язык хеттских) иер(оглифов). М., 1969, стр. 70.

лид. istaminlis "относящийся к семье" < istamin - "семья", brafrsi "относящийся к brafr-"[1]; лик. mahanahi "божий" (с интервокальным h s), ziwala "божественный"[2]; кар. Kostoll(i), личное имя[3], dɛnλ "освещенный (?)" (-λ < -li)[4, 5].

В специальной литературе встречается иногда точка зрения, согласно которой суффиксы производных прилагательных -s- и -l- происходят из исходных флексий родительного падежа, которые, приняв падежные окончания, перешли из словоизменительной в словообразовательную именную парадигму.[6]. В свете этого лик. род. а-основ на -ãi исторически можно представить как -ã (< *ŏm , хет. род. общ. ед.-мн.) + -i (падежный показатель из местоименной парадигмы, ср. иер. им.-вин. общ. мн. -i)[7]. Важно отметить, что лик. формант

---

[1]R. Gusmani, L(ydisches) W(örterbuch). Heidelberg, 1964. стр. 163; idem, стр.28.

[2]Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. B.XVII, H.2, Berlin 1971;37-39.

[3]Ср. хет. ḫaštai "кость". *ḫaštalli - "герой", букв. "костистый", см.Вяч.Всев.Иванов, ХЯ, стр. 112 и сл.; Л.А.Гиндин,(Язык древнейшего населения юга)Балканского полуострова,) стр. 124.

[4] idem стр. 214.

[5]В палайском в сходной функции встречаются прилагательные на -ik- (~ и.-е. *-iko-), ср. пал. божества Ulilijantikeš , им. мн. ~ хет. Ulilijaššiš (см.A. Kammenhuber, Das Palaische, стр.). Отмечаемый А. Камменхубер (см. A. Kammenhuber, Esquisse de grammaire palaite. BSLP, 1958, стр.) суффикс производных прилагательных -id- , ср. wulašine/ideš "относящиеся к хлебам" (wulašina-) в действительности может быть тем же суффиксом -ik- , так как формы с *-id- и -ik- записываются с помощью знаков ki и di , которые при небрежной манере почти не отличаются один от другого. То, что суффикс содержит именно -k-, удостоверяется формой дат. мн. U-li-li-ja-an-ti-ga-aš (в слоговой записи) со знаком -ga- , передающим заднеязычный смычный.

[6]Типично анатолийское развитие, в котором усматривается влияние неиндоевропейских языков Малой Азии; ср. R. Stefanini (I)genitivo (aggettivale nelle lingue anatoliche.) - Athenaeum, Vol. XLVII, 1969, стр. 290-302 (Studi Meriggi); см. также И.М. Дьяконов (Языки древней) П(ередней) А(зии). М., 1967, стр. 137, где подчеркивается, что для всех древних языков Малой Азии и Кавказа характерно выражение притяжательности при помощи прилагательного вместо родительного падежа.

[7]И.М. Дунаевская, Иер, стр. 69.

-ãi (в тех случаях ,где это действительно флексия генитива, ср. (P.H.) Houwink (ten Cate). (The) Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1969, стр.) образует родительный падеж от имен одушевленного рода, ср. Ṽãi tideimi "сын Таи", Ṽurttãi lada "жене Турты", что хорошо согласуется с хеттским употреблением род. ед.-мн. на -an (см. В.В. Иванов, ХЯ, стр. 134 и сл.). Помимо родительного на -ãi в ликийском признается род. мн. на -ẽ [1], который соотносим с хеттским (и анатолийским) -an. Своеобразие ликийского заключается в том, что в этом языке максимально использованы хетто-лувийские возможности образования отыменных определителей: с суффиксами -s-, -l-, -n-, однако первые два показателя оформились как деривационные элементы, в то время как -a (<an-i) занимает место родительного падежа в ликийской именной парадигме[2].

С этой точки зрения крайне ценными оказались бы данные иероглифического лувийского, в котором, как и в ликийском сосуществовали отыменные прилагательные на -li и -si/a (ср. tatali- "отцовский" tati- < "отец", ^{d}Karhuhasi- < ^{d}Karhuha - божество, И.М. Дунаевская, Иер., стр. 67) и отыменные образования на -I (ср. Al(a)paī "алеппский" < Al(a)pa , - И.М. Дунаевская, Иер., ср. 67-68). Трудности фонетической интерпретации иероглифических знаков, передаваемых в транскрипции как $\bar{v}$ (Мериджи, Ларош) либо $\tilde{v}$ (Гельб)[3], не позволяют безоговорочно возводить иер. -aī к хет.-лув. -an[4], что было бы еще одной изоглоссой, объединяющей ликийский и иероглифический лувийский.

---

[1] В формах wahñtezẽ (ср. мил. wesñteli "антифелосский") и pttarazẽ (< pttara, гр. Πίτταρα) - надписях на монетах, где генитив подтверждается многочисленными типологическими параллелями, ср. Houwink, Luw. , стр.

[2] В качестве типологической параллели можно указать арм. род. мн. -c < *-sk- (см. И.М. Дьяконов, ПА, стр. 137.). Ср. также R. Stefanini, Genitivo. Интересно, что по строению анатолийские прилагательные на -s- , -l- типологически близки хурритским родительным типа Šawuška-we-na-(a)ž-uš šije-na-(a)ž-uš "воды (богини) Шавушки" см. И.М. Дьяконов, ПА, стр. 139 (Šawuška - we - род. - na - определительная частица - (a)žuš- эргат. мн.).

3 и 4 см. на стр. 18

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Именное склонение в иероглифическом лувийском

По количеству падежей и строению именной парадигмы иероглифический не отличается от лувийского клинописного (см. табл. 5, сх. 5, прилож.), насколько можно судить об этом, учитывая недостаточность наших знаний об иер. графике и фонетике - разночтения знаков, графические колебания гласных и согласных и т.п., фрагментарное состояние текстов и др. Не будет поэтому излишне осторожным остановиться очень кратко на падежной системе иероглифического, упомянув лишь те результаты, которые базируются на проверенном материале.

В предварительном порядке можно отметить морфологическую нейтрализацию противопоставлений следующих иер. падежей: И:В ср.

---

[3] Относительно иер. $\bar{V}$ известны три точки зрения, согласно которым эти знаки обозначали долгие гласные (Боссерт, Грозный), носовые гласные (Гельб) либо гласные, качественно отличные от V (неясно, в чем именно, - Ларош, Мериджи). Наиболее правдоподобной нам кажется точка зрения И. Гельба. В ее пользу свидетельствуют следующие факты: а) соображения грамматического и этимологического порядка, ср. иер. pijatu ~ хет. pijantu "пусть дадут", иер. им.-вин. ед. ср. -ī < -in (см. И.М. Дунаевская, Иер. стр. 69) б) сходные с иер. способы передачи носовой окраски гласных в других языках, замеченные Гельбом (см. И.М. Дунаевская, Иер. стр. 60). Против нее - присутствие иер. $\bar{V}$ в словах, где они не могут быть объяснены этимологически или грамматически, ср. иер. ajawa/ajāwa, I ед. през. < aja - "делать", Kupapa(ha) "богиня Купапа", им. ед. и др. На это можно возразить, что не всегда мотивированное употребление $\bar{V}$ в ликийском, близко родственном иероглифическому, не заставляет ученых усомниться в том, что лик. $\bar{V}$ обозначают именно носовые звуки. Более правдоподобно, что и в ликийском, и в иероглифическом знаки лик. $\bar{V}$, иер. V использовались для передачи как носовых, так и неносовых вариантов гласных (так, по наблюдениям, в лик. ẽ - более широкий гласный, чем e, ã по сравнению с a более продвинут назад).

[4] Ср. лик. -ãi; в лик. не было специального знака для [ĩ] поэтому -ã- в -ãi могло указывать на назализованный характер последующего гласного.

ед. (-ī); И:В ср. мн. (-a, -ā, -ī); И:В общ. мн. (-i, -ia); И:Р общ. ед. (-as, -is).

Об иер. творительном см. ниже.

Именное склонение в позднехетто-лувийских языках

Падежные системы поздних хетто-лувийских языков – лидийского, ликийского и карийского – сохраняют в целом противопоставления падежей, описанные для хеттского, лувийского и палайского (см. табл. 5, сх. 5, действительные также для лидийского и ликийского, и табл. 3, сх. 3, отражающие карийское состояние)[1].

В лидийском и милийском диалекте ликийского языка падежи, выражающие субъектно-объектные отношения, противопоставлены только в единственном числе (им. общ. ед. лид. -s , лик.-мил. -Ø, вин. общ. ед. лид. -v, -n, лик.-мил. -ñ, -Ṽ, -u ; им.-вин. общ. мн. лид. -(a)ś , мил.-iz). В парадигме единственного числа как лидийско-карийская инновация выступает ДМ на -λ (из местоименного форманта)[2], обладающий признаками направленности, объемности и периферийности[3]. Из архаизмов надо отметить лик. дат.-мест. ед. -ei, -i, -a(хет.лув. -ai, -i,-a)[4] и, возможно,

---

[1] Лидийская и ликийская парадигмы содержат 5 падежей: И, В, Р, ДМ, Т (лид. периферийный направленный необъемный падеж (-d) – "модалис" по П. Мериджи – выводится из последовательностей типа ak- – mλ -is pis citollad bitad "derjenige, der ihm das/aus dem citolla – entzieht (?)" – R. Gusmani, LW стр. , хотя в данном контексте возможен и им. ед. ср. на -d). В карийскую парадигму входит 6 падежей: И, В, Р, ДМ, О, Т (см. ниже, сн. 4).

[2] R.Gusmani, стр. 56.

[3] В карийском, кроме ДМ и О предполагется Д ед. на -i, однако его место в кар. падежной системе пока не ясно.

[4] Как указывает В.В. Иванов (ХЛ, стр. I38–I39), хет. окончание дат.-мест. ед. -ai, -i восходит к дат.-мест. ед. имен на -i (-ai), выражаемому чистой основой, который, в результате переразложения этих основ выделился в самостоятельный формант и был перенесен по аналогии на другие типы основ. Хет. дат.-мест. на -a (ср. пал. направительный -a, лув. -a) можно возвести к формам со ступенью растяжения чистой тематической основы (см. В.В. Иванов, ХЯ, стр. I39). Подобное явление исследовано Мажюлисом (см. В.П. Мажюлис. К балтийскому и индоевропейскому дативу ед. ч. "Baltica," II (2), I966 и III (I), I967, Vilnius) в литовском языке и признается этим автором характерным для германо-балто-

кар. дат. ед. -i [1].

В заключение необходимо отметить:

значительная близость внутри хетто-лувийской группы языков, прослеживаемая в именном склонении, обусловлена сохранением общего праанатолийского наследия и параллельным развитием многих явлений, что объясняет как материальное сходство словоизменительных формантов, так и аналогичное устройство именных парадигм.

Из рассмотренного выше к числу типично анатолийских явлений относятся следующие:

- отсутствие самостоятельной формы ряда падежей множественного числа (дат.-мест., род., см. прилож.) как реликт древнего состояния нерасчлененности косвенных падежей;

- отсутствие числового противопоставления у периферийных падежей - отложительного и творительного - использующих одни и те же флексии для ед./мн. числа[2].

К явлениям более широкого - кавказско-малоазийского ареала - можно отнести развитие и широкое распространение категории отыменных прилагательных, постепенно вытесняющих из употребления родительный падеж.

славянского ареала, однако хетто-лувийские и отчасти кельтские факты (см. Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 209 и сл.) доказывают более широкий, индоевропейский характер этого явления.

[1] Л.А.Гиндин, Балк., стр.56.

[2] Данный факт, как допускает В.В. Иванов, говорит об особом месте О и Т в системе анатолийских падежей (см. В.В. Иванов, ХЯ, стр. 131 и сл.). Вопрос о хет.-лув. творительном падеже на зубной смычный пока остается открытым: в хет. -it , лув. -(a)ti, лик. -Vdi , кар. *-t , лид. -d можно видеть либо поздние образования наречного типа на -*dhi (R.Gusmani, LW, стр. 114.), , либо реликты ностратической эпохи - отражение локативной части *-da (алт. -da/-dä, -du/-dü, ур. -δa/-δä , драв. -ttu/ /-tt(^), и.-е. -D/-eD , картв. -da, -d/-ad, сем.-хам. -d, , см. В.М. Иллич-Свитыч, Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 11), которые в хет. сохранили свое изолированное положение в парадигме имени, но не как нововведение, а в качестве архаизма, удержавшегося во всех анатолийских языках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Парадигмы падежных окончаний.

I. Хеттский язык.[1]

	ед.	мн.
им. общ.	-š	-eš, -uš, -aš
вин. общ.	-n	-uš
им.-вин. ср.	-ø, -n	-ø, -a, -i
род.	-aš, -š	-aš
дат.-мест.	-i, -a, -ø	-aš
отл.	-az, -z(a)	-az, -z(a)
тв.	-it, -t(a)	-it, -t(a)

2. Лувийский язык.[2]

	ед.	мн.
им. общ.	-š	-nzi
вин. общ.	-n, -an, -ij-an	-nza
звательный	-ø, -š	-ø
им.-вин. ср.	-ø, -an, -ša	-a
дат.-мест.	-i, -ja	-nza
тв.	-ati, -ijati	-nzati -nz-an

3. Палайский язык.[3]

	ед.	мн.
им. общ.	-š, -z	-eš, -aš
вин. общ.	-n	
им.-вин. ср.	-n	-a
дат.-мест.	-i, -a, -ai	-aš
тв.	-t	

---

1 И.Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка.М.,1952.

2 E.Laroche. DLL.

3 A. Kammenhuber.Esquisse de grammaire palaite.-BSL 54,f.1,1959.

4. Лувийский иероглифический.[1]

	ед.	мн.
им. общ.	-s	-i
вин. общ.	-n	-i
им.-вин. ср.	-i	-o, -ā, -ā, -ī
род.	-as	-as
дат.-мест.	-o, -a, -ā, -ī	-ī
тв.	-(a)ti	-(a)ti

5. Лидийский язык.[2]

	ед.	мн.
им. общ.	-s (ś)	-aś (?)
вин. общ.	-ν, -n	-aś́
им.-вин. ср.	-d, -t, -ø	-a
дат.-мест.	-λ	-aν, -n
род.		-aν
тв.(?)	-d	

6. Ликийский язык (милийские окончания подчеркнуты).[3]

	ед.	мн.
им. общ.	-o, -s	-iz, -ai, -as(?)
вин. общ.	-Ṽ, -Ñ, -u	-as, -az
им.-вин. ср.	-ρ	-ø
дат.-мест.	-i, -ei, -ija	-a, -e
тв.	-edi, -adi, -dᾶ	-edi, -adi, -di
род.		-ẽi

---

1 И.М.Дунаевская, Иер., стр. 68.
2 O.Carruba. Zur Grammatik des Lydischen. - Studi Meriggi.
3 См., в частности, Houwink, Luw.

7. Карийский язык.

	ед.
им.	—
вин. общ.	-ν
дат.(?)	-i
дат.-мест.	-λ
отл.	-(o)z
тв.(?)	-t(?)

Автор искренне признателен Вяч.Всев.Иванову, читавшему рукопись статьи и сделавшему ряд замечаний, которые автор постарался учесть.

Список сокращений.

В, вин. - винительный падеж
Д, дат. - дательный падеж
ед. - единственное число
И, им. - именительный падеж
М, мест. - местный падеж
мн. - множественное число
О, отл. - отложительный падеж
общ. - общий род
соб. - собирательное существительное
ср. - средний род
Т, тв. - творительный падеж

Обозначения языков.

алт. - алтайский
ан. - анатолийский
др.-хет. - древнехеттский
драв. - дравидийский
и.-е. - индоевропейский
иер. - лувийский иероглифический
кар. - карийский
картв. - картвельский
лид. - лидийский
лик. - ликийский
лув. - лувийский
мил. - милийский
пал. - палайский
сем.-хам. - семито-хамитский
ур. - уральский
х.-л. - хетто-лувийский
хет. - хеттский

О.В.Столбова

К проблеме фонетической структуры слова (на материале протосистемы хауса-гвандара, с примерами западночадских реконструкций).

Языки хауса и гвандара образуют подгруппу внутри западночадских языков. Под протосистемой хауса-гвандара (PHGS) мы понимаем множество реконструированных корней исходной системы праязыка этой подгруппы, основанных на регулярных фонетических соответствиях и сопоставлении лексики. Материалы по языку гвандара ранее в работах по чадским языкам не использовались.

I. Для фонетической структуры слова в протосистеме хауса-гвандара характерно преобладание элементов вида CVCV , например:

PHG [I] = gefe 'край' > хауса gefe , гвандара gyepe ;
PHG = fada 'говорить, рассказывать' > хауса fada ,
гвандара para ;

Следующие по частоте структуры в PHGS - это CVCCV , CV , CVCVCV . Приведем некоторые примеры:

[I] PHG - элемент PHGS (PHG ∈ PHGS) ; после знака > приводится лексика по отдельным языкам в нотации источников, со следующими исключениями:
а) открытость гласного передается подчеркиванием (i = I , o = ɔ);
б) точка под согласным указывает на глоттализацию;
элементы PHGS приводятся после знака равенства (=).

PHG = ja 'тянуть' > хауса ja гвандара ja ;

PHG = mamaki 'удивление' > хауса mamaki , гвандара mamakyi ;

PHG = bänte 'набедренная повязка' > хауса bante , гвандара bente .

Сходную структуру имеет слово в протосистеме болева (PBS), под которой мы понимаем множество реконструкций, выполненных на материале языков подгруппы болева, а именно: болева, карекаре, дера (канакуру), тангале, нгамо, маха и перо, принадлежащих к западной ветви чадской семьи. В протосистеме ангас (PAS) из-за падения конечной гласной большинство слов имеет структуру CVC . Реконструкции в PAS основаны на лексическом материале языков подгруппы ангас (ангас, сура, чип, монтол, герка, анкве).

На западночадском уровне (в основу реконструкций положены регулярные фонетические соответствия между элементами PHGS , PAS и PBS) слово, как правило, имеет структуру CVCV .

Приведем некоторые примеры (о структуре этимологической статьи см. ниже на стр.28) :

WCh [2] = mutA 'умереть' : PH = mutu > хауса mutu , гвандара mutu ; PA [3] = mūt > ангас F mūt , сура J muut , чип, монтол Jg muut , герка, анкве Fp mūd ; PB [4] = mu, tA > карекаре Lk meet ; болева L mot ; тангам Jgr mud , дера N muri , нгамо Nm mato , перо Jgr muri ;

WCh = bidA 'обезьяна' : хауса biri ; PA = pit > анкве G pit , монтол J pit , чип G pit , герка G pət ; PB = bido > карекаре Lk budo , M bido , болева K bido , нгамо M bido , дера M bido ;

---

[2] WCh - элемент множества реконструкций на западночадском уровне (WCh ∈ PWChS),

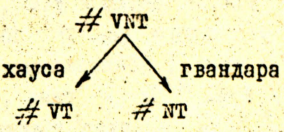
[3] PA - элемент PAS (PA ∈ PAS),

[4] PB - элемент PBS (PB ∈ PBS).

2. В протосистеме хауса-гвандара почти не встречаются элементы с гласным началом. В некоторых случаях начальный гласный восстанавливается только на материале языка хауса, например:

PHG = intace 'дерево' > хауса itace, гвандара ntaci ;
PHG = indA 'глаз' > хауса ido, pl. idani , гвандара ndani ;
PHG = inda 'если' > хауса idan , da , гвандара nde .

(Очевидно исходное сочетание гласный + сонорный + смычный в начале слова по-разному упростилось в хауса и гвандара, а именно:

где V - гласный, N - сонорный, T - смычный, # - начало слова).

На западночадском уровне также преобладают слова с началом на согласный. Реконструировано лишь несколько элементов PWChS , , имеющих гласное начало. Приведем два из них:

WCh = äpʰA 'открывать' : хауса afa 'бросать в рот табак, орехи и т.п.'; PA = ep 'открывать' > монтол Jg'ep, герка Jg'ep ; PB = apʰ- 'открывать' > болева L'aw- , карекаре Lk'af-, тангале Jgr 'ap-;

WCh = arA 'одалживать' > хауса ara , болева L 'ar- .

3. В протосистеме хауса-гвандара допускаются следующие начальные сочетания согласных: NT, NW, TW, где N = {n, m}, W={w}, T={b,g,k,ḳ}. Некоторые примеры:

PHG = nḳunda 'муха' > хауса ḳuda , гвандара nkunda ;
PHG = nkyänwa 'кошка' > хауса kyanwa , гвандара nkyenywa;
PHG = kwaḍa 'лягушка' > хауса kwaḍa ; гвандара kwara;
PHG = gwaḍa 'измерять' > хауса gwaḍa , гвандара gwaḍa ;
WCh = mbA 'вещь, предмет': PHG = ambA > хауса abu , гвандара mbo ;PA = bī > ангас F bī, анкве G bii, тангале Jgrm wa // логоне mbi , египетский bw .[5]

[5] J.Greenberg.The labial consonants of Proto-Afro-Asiatic, "Word", v.14,p.295-302.

Последний пример очень важен для западночадских реконструкций, т.к. является еще одним подтверждением гипотезы Джозефа Гринберга о происхождении звонкой лабиальной в протосистеме энгас из *mb-, а глухой - из *b.

В данном случае *mb- сохранилось только в протосистеме хауса-гвандара.

4. В интервокальном положении в PHGS встречаются сочетания ST, N_1T, N_1N, TT, где N_1 = {n, m, r}, S = {s, z, ś}, T_1 = {d, ḍ, t, g, k, ḳ}. Приведем примеры:

WCh = yinda 'глаз': PHG = inda > хауса ido, pl. idani, гвандара ndani; PA = yit > энгас F yit, yid, анкве M yit, монтол, чип, герка Jg yit; PB = ido > болева L'ido, карекаре Lk 'ido, дера N yero, тенгале Jgrm 'idu, нгамо Nm idu, маха Nm ida // куш. *cIn - 'глаз, ключ, источник', *cIn-tA 'глаза'; сем. *cajn - 'глаз'; егип. cn 'глаз' (СФКЯ, 149-150).

PHG = fúskA 'лицо' > хауса fuska, гвандара piska;

WCh = HA lonki 'дым': PHG = h,ayanki > хауса hayaki, гвандара ayankyi; PA = ḍiyēl > энгас F yil, gyil, сура J ḍiyeel; PB = oloki > болева K oloki, маха Nm olok, карекаре K olio, нгама Nm olio.

PHG = kurma 'глухой' > хауса kurma, гвандара kurma;

PHG = märka 'время года' > хауса marka, гвандара meka;

WCh = monta 'забывать': хауса manta, mance; PA = mAndA/r/ > монтол Jg mun, анкве Fp men, сура J mander; PB = mont/an/ болева L mont, карекаре Lk mantan.

Имеющийся материал позволяет заключить, что характерные черты фонетической структуры слова на протозападночадском уровне (почти полное отсутствие элементов с началом на гласный, преобладание слов вида CVC и сочетаний согласных - сонорный+смычный) типичны и для протосистемы хауса-гвандара.

Ниже приводится фрагмент реконструкций празападночадской системы (к которой генетически восходят PHGS, PAS, PBS.

В начале каждой статьи приводится реконструируемый празападночадский корень и его значение, затем, после двоеточия (:) - элементы PHGS, PAS, PBS. После знака // даются реконструкции

или лексика других афразийских языков.

Словарные материалы языка хауса цитируются по работе [6], лексика языка гвандара - по работе [26], языков паа[7] и варджа - по работе [16]. После названия других языков или языковых семей следует сокращение фамилии автора (см. список лексических источников на стр. 38-39), по материалам которого приводится данное слово (реконструкция).

Прописные буквы в реконструкциях обозначают: H — ларингал, S - сибилянт, T - дентальный смычный, N - носовой, A - неизвестный гласный. Фонема, наличие которой в реконструкции спорно, записывается в косых скобках.

[7] Языки паа и варджа входят в подгруппу варджа западночадской семьи языков. Реконструкции на уровне этой подгруппы не были сделаны из-за недостатка лексического материала.

Фрагмент сравнительного словаря
западночадских языков.

WCh = ăphA 'открывать':PA = ep > монтол, герка Jg 'ep 'открывать';PB = aph- > болева L'aw-, карекаре Lk 'af-, тангале Jgr 'ap -'открывать'; хауса afa 'бросать в рот табак, орехи и т.п.' // куш. * Ap(p) 'рот'(СФКЯ I35-I36);

WCh = arA 'одалживать' > болева L'ar , хауса ara // сем. *; (w/j)r 'одалживать'(Bl. 528);

WCh = bidA 'обезьяна':PA = pit > анкве G pit , монтол Jg pit , чип Jg pit , герка G pət ; PB = bido > карекаре Lk budo , M bido , болева K bido , нгамо M bido , дера M bido ; хауса biri ;

WCh = bŏKA 'жечь': PB = bŏkŏ > маха Nm boko , нгамо Nm beke ; хауса biga ;

WCh = ɓurA 'уронить' > болева L bur, хауса ɓuri ;

WCh = ɓu(th)ŏ 'пыль, зола': сура J ɓur, PB = ɓu(th)o > болева L buto , маха Nm buɣo , нгамо Nm buto ; хауса ɪubudi // сем. * ʕapar 'пыль' (Ges. 608) куш. * bAdAn (СФКЯ 24I);

WCh = chī 'бедро' :PA = chī > сура J cii, ангас F chī, монтол Jg chi ; хауса cinya ;

WCh = dila 'шакал'> карекаре Lk dila, хауса dila // сем. * θ u ʕ(a)l- 'лиса' (Ges . 814-8I5);

WCh = dukhA 'бить, убивать' :PA = tuk > ангас F tu , сура J tu , чип Jg tə, герка Fp tok , анкве Fp tu ; PB = dukhA > болева L duw, G duku ; карекаре Lk duk-, тангале Jgr tuɣ, дера N duhi > duwi , маха Nm duhayo , нгамо Nm dukʃi ; хауса duka // сем.* tɬ ʕ 'ударять, бить' (Ges . 888), ег. tɬh 'убивать' (E-G 5.234);

WCh = dokhŭ 'лошадь' :PB = dŏkhŭ> болева L doosho , карекаре Lk dooku , дера N doohi < doowi , нгамо Nm doku ; хауса doku ;

WCh = ḍanḍ 'пробовать на вкус' > болева L danḍ , хауса ḍanḍana // куш. *ṭ͡ʃAʔAm , сем. *ṭʔm 'пробовать на вкус' (СФКЯ 317-318), котоко *ḍAm (ЯК, 44);

WCh = ḍäphA 'варить, стряпать' тангале Jgr ḍip , хауса ḍafa , paa ḍu// угарит. ṭbḫ 'варить, стряпать' (As 119), arab. ṭbḫ , библ. ṭabbāḥōṯ 'кухарка' (Ges. 270);

WCh = ḍAtA 'горек' > сура ḍeet , хауса ḍaci ;

WCh = pAḍA 'открыть' : ангас F bat , bet , тангале J pid 'открывать', PHG = maḅudi 'ключ' > хауса maḅudi , гвандара maḅudi // сем. *pṭḥ 'открыть' (Ges. 667), егип. pṭḥ 'открыть' (W-G I, 565);

WCh = puata 'кожа, шкура' > нгамо fata , хауса fata .

WCh = pa(ŋ) 'камень' : PA = paŋ > сура J paŋ , монтсл Jg paŋ, анкве G pang ; тангале Jgrm pandi , гвандара pa // сем. *ʔabn 'камень' (Ges. 6);

WCh = paḍi 'широкий, расширять' > тангале Jgrm pate 'расширять'; хауса faḍi 'широкий' // сем. *pt w/ 'быть широким' (Ges. 666);

WCh = pArAtA 'белый': PB = petiraʔ > болева K petila , нгамо Nm ɟetire ; PH = fari > хауса fari , гвандара fari , // котоко *pArdA , куш. *pArA͡ʃ 'красивый' (СФКЯ,);

WCh = ƀwokhA 'рот': PA = pwō k > сура J pwoo , ангас po , чип Jg pwo , герка Ø pak , анкве G puə ;PB = bokho> болева L boo , тангале Jgrm pok , нгамо Nm bo , маха Nm boho; PHG = bäki > хауса bäki , гвандара beƀekyi // сем. *paj-рот (Ges. 634);

WCh = phArḍow 'четыре': PA = fē r > ангас F fir, сура J feer , чип Jg feer , анкве G feer ; PB = phoḍow > болева Mi fodo ,pordo , карекаре Lk feeḍu , дера N parao, тангале Mi padao , нгамо Nm hoḍo , маха N paḍu ;PHG = huḍu > хауса huḍu , гвандара huru ; nao faaḍu , варджа foḍi // куш.* ApArH- , * parH- , сем.*ʔarbaʕ ,'четыре', егип. ỉfd 'четверка' СФКЯ, (231-232);

WCh = phaḍA 'болеть, ослабляться': герка puot , анкве Fp fia 'болеть'; PB = phaḍa > карекаре Lk faḍa , болева B pada , тангале Jgrm pada 'болезнь'; хауса faḍi 'падать'// сем. *pjd- (или *pwd-)'несчастье, умирание'(Ges. 640);

WCh = ꝑAkAꝑAkA 'крыло': PB = bAkA > карекаре Lk baka, тангале Jgrm bukbug; PH = fikfiki > хауса fikafiki , гвандара pikapikyi ;

WCh = phẹḍA 'очищать, мести, мыть : сура fit ,PB = phuḍA > тангале puḍ- , дера peḍe , хауса fera ,fere // куш. *paq/ǫ7- 'мести, скрести' (СФКЯ 304);

WCh = gomA 'десять': PB = gomA > нгамо Mi guma , тангале Jgrm ḍbomo; PH = goma > хауса goma , гвандара gon ;

WCh = goNtA 'закончить': PA = gAm > сура J gam , анкве Fp gin , герка Fp gungin ; болева L gont ; хауса gama // сем. * gamn- 'куча, все вместе' (Ges. I43);

WCh = gwodA 'благодарить': монтол Fp kwedde ,PB = gōd > болева L good , карекаре Lk good ;PH = gode > хауса gode , гвандара gode ;

WCh = gwomA 'встретить(ся), присоединиться': PA = gwom > ангас F gwom , герка Fp kwam ; PB = gom > болева L gom , карекаре Lk gam , тангале Jgrm kum- ; хауса gamu ;

WCh = hutA 'отдыхать' > болева L huut , хауса huta // сем. *ḥdl 'не делать, оставить, отдыхать' (Ges. 2I4-2I5);

WCh = hoḳa 'копать' : PA = hok > анкве G hok , ангас F ok ; хауса haḳa ;

WCh = HAlôṇḳA 'дым': PA = ḍiyēl > ангас F gyil , сура J ḍiyeel ; PB= olo ki > болева K oyo , карекаре K olio , нгамо Nm olio , маха Nm olok ; PH = h$_1$ayaṇki > хауса hayaki, гвандара ayankyi ;

WCh = haɣas 'зуб, острие': PA = haɣas 'зуб' > анкве G haghas , монтол Jgɣəəs , герка Jg'aɣas ; хауса wasa 'лезвие ножа' // сем. *hiẹw 'стрела' (Ges.252) ;

WCh = i[n]sANA 'пчела, мед': PA = nšī > сура J nshii , ангас F shi , анкве Fp nshi ; PB = isōni > болева L sooni , карекаре Lk 'isheeni , нгамо M sani ; PHG = zuma > хауса zuma , гвандара zuma ;

WCh = žükA 'мочить, увлажнять': ангас F sheuk, дера N yeko , PHG = jika > хауса jika , гвандара jika // ср.куш. *ž'A[']Ug- 'пить, сосать'(СФКЯ 106);

WCh = žünkhö 'тело': ангас F seuk ; PB = žükho > болева B zuwo , Lk jiwo , карекаре Lk zu(u) , перо shik , тангале Jgr 'ik , 'ik , N yik ; дера N yik ; PHG = jinki > хауса jiki , гвандара nkyi ;

WCh = kadam 'крокодил': PA = kut > ангас, анкве, сура Fp kut , монтол Jg kūt ; PB = kaddam > болева Jgr kaddam , дера Jgr karam , тангале Jgr kodom ; хауса kada .

WCh = kukhA 'кричать' > дера N kui < kuhi ; хауса kuwa // Ностр.k /iH /A 'петь'(ИСВ. стр.297);

WCh = körA 'защищать' > сура J kyeer , тангале Jgr kor , хауса kare ;

WCh = kaphe 'жарить' : тангале Jgr kawe , хауса kafe ; раа ku , варджа ka-wi ;

WCh = käban 'буйвол' : PA = kəban > сура J kəban , монтол Jg kəɣə n, герка Jg kafin , анкве Fp kōn ; PB = käbän > болева M kaban ,нгамо M kaban , тангале J kebne , дера N kimne , перо N kebne ; хауса bauna (< bakna);

WCh = kusA 'близко' : PA = kus > сура J kus , монтол Fp kuss ; хауса kusa ;

WCh = kir[A]phö 'рыба' : PA = kirr[A]p > герка Fp kirrup, анкве Fp sharrp , монтол ИСв šiep ; PB = ker[A]pho > болева N kerwo , карекаре ИСв carafu , дера N shiruwo , нгамо Nm kifi , M kefro , маха N kerwo ; хауса kifi // куш. *kʷAltA[']m- (СФКЯ, 81-82), сем.-хам. kl- , ностр. kalA 'рыба' (ИСв, 288);

WCh = kirḅa 'толочь, молоть' > болева L kirb , хауса kirḅa ;

WCh = (u)kunu 'три' ; PA = kun > сура J kun , чип, монтол, герка Jg kun , анкве Mi kun ; PB = kunu > карекаре Lk kunnu , нгамо, маха Nm kunu , болева Mi kunu , тангале Mi kunu ; PHC = uku > хауса uku , гвандара uku ;

WCh = ḳäza 'курица' карекаре B kezi ; PH = kaza >, хауса, гвандара ḳaza ;

WCh = ḳüSüm 'голод, жажда' : герка Fp kattum голод ; Pb = küzüm > болева, карекаре L kuzum , тангале Jgrm kūm , дера N kiyim , перо N kushəm , 'голод, жажда' ; хауса ḳushi 'жажда' // сем. * gŝ^q > араб. ǯš^c 'сверхжелать'; кум. *[g]A[4]ĉ- 'голодный' (СФКИ 305);

WCh = laṬA 'наступить, раздавить' > тангале J laḍ , хауса latsa ;

WCh = liḅä 'накрыть, покрыть' : PB = liḅA > болева L libb , дера N lipe ; хауса lulluḅa // сем. * lbš 'надевать (одежду)' (Ges. 378);

WCh = mondA 'женщина' : PA = mat > ангас F mat , сура J mat , анкве Fp , монтол, чип Jg mat , герка Jg moṭ PB = mönd/A > болева L mondee , карекаре Lk mendu , нгамо Nm mendu , махи Nm modu ; PH = mata > хауса mata , mace , гвандара mata ;

WCh = montA 'забывать' : PA = manda/n/ > сура J mander , монтол Jg mun , анкве Fp men ; PB = monta/n/ > болева L mont , карекаре Lk mantan ; хауса mance , manta ;

WCh = mutA 'умереть' : PA = mūt > ангас F mūt , чип, монтол Jg muut , сура J mūut , герка, анкве Fp mūd ; PB = mutö > карекаре Lk meet , болева L mot , тангале Jgr mud , дера N muri , нгамо Nm mato , маха Nm muto , перо Jgr mur ; PH = mutu > хауса mutu , гвандара mutu ; naa miya , варджа miwi // котоко * mAtA (ЯК II), сем. * mut умереть , *mawt - 'смерть' (Ges.409), ег.mt 'умереть' (E-G , 2.165);

WCh = mbaka 'лук' > сура baka , хауса baka // Ностр. *büka сгибать (И.Св. 191) ;

WCh = mwAri 'жир, масло' : PA = mwAr > ангас F mwIr , сура J wwoor , монтол Jg mɔji ; PB = mori > болева, маха, нгамо Nm mor , карекаре Lk meri , дера Nm mori ; хауса mai // угар. mr ʒ 'становиться толстым', akk . marā'u 'делать толстым' (As. 194);

WCh = nAnA 'мать' : PA = nəgən > сура J nəgən, монтол Jg nəɣən , ангас F nin , анкве Fp nun ; PB = nonA > болева L noonu , карекаре Lk nona , тангале Jgrm nono , дера N nuŋ , нгамо Nm nono ; PH = inka > хауса inna , гвандара inna ;

WCh = näre 'понимать' > тангале Jg neri , хауса nare // сем. *nkr 'выяснять, узнавать' (Ges. 505);

WCh = nüŋA 'быть спелым, созревать' : PA = nuŋ > сура J nung , ангас F nun ; PB = nigo > болева L ni , тангале Jgrm nigo ; хауса nuna ;

WCh = rūrū 'крик, шум' : PA = rurū > ангас F ruruu , сура J ruruu ; PB = rūrū > карекаре Lk ruuru , болева L ruuru; хауса ruri // сем. *riʕ или *riɣ- 'шум', *rʕm 'шуметь' (Ges. 767);

WCh = sōmA 'начинать' : болева soom , хауса soma ;

WCh = sumA 'имя' : PA = süm > ангас F süm , сура J sum , монтол Jg sum ; PA = sumo > карекаре Lk səm , маха Nm sum , нгамо Nm suna , тангале Jgr sumo , дера N yim ; хауса suna // сем. *šim-/šum (Ges. 839-840) ;

WCh = sänA 'знать' : PH = säna > хауса sani , shina , гвандара shina , 'знать' ; ангас F zin 'правда' // берб. wsn , егип. wsn (ЯК, 53) ;

WCh = sAmA 'волосы' : хауса suma , нгамо som ;

WCh = saḳA 'плести' > ангас G sak , болева L sa , хауса saka // куш. * cAḳ- /*cAḳḳ 'плести, связывать' (СФКЯ 101), сем. * ŝkk 'плести, покрывать (плетением)' (Ges. 543) ;

WCh = sakha 'ряд' > сура J saak , хауса sahu ;

WCh = Sawa 'крик, гром' > карекаре zawa крик, плач'; хауса tsawa'удар грома' // сем. * ṣwḥ 'кричать', куш. *cA[w]x^{w}- (СФКЯ, стр.105);

WCh = SArōN 'корень' : PA = sin>сура J seen , ангас F sīn ; PB = šorōN > болева M shorin, тангале Jgr yaara, маха Nm sorom , нгама Nm ʃori ; хауса saiwa // сем. *ŝurš- 'корень' (Ges. 864);

WCh = šAḳA 'веять' > хауса sheka , тангале Jgr suk;

WCh = šidA 'шесть' : нгамо Mi sedu, PH = šida > хауса shida , гвандара sida // сем. *sidȣ - (Ges.809); егип. śjś (E-G, 4.40);

WCh = šwArA 'смеяться' :PA = šwar > ангас F shwār, сура J shwar, герка Jg shwar , монтол Jg shwei , анкве Fp swarr; PB = zurō > болева L zur , дера N wuri, тангале N wuro , нгамо M azuro ; хауса shewa ;

WCh = šwä 'пить' : PA = swā > ангас F shwā, сура J shwaa, чип J shuu , анкве Fp sua ; PB = sä > болева L s(a), карекаре L s- , тангале N ye-k , перо N sho , нгамо Nm sena , маха Nm se ; хауса sha ;

WCh = taphi 'идти' : PB = taphA>болева taaw , дера tai< tawi , карекаре taf-; хауса tafi ; вардда ṭ-a-wi . // егип. tfj 'глагол движения' (E-G 5.297);

WCh = ti 'есть' : герка tua , PB = ti> карекаре, маха, болева ti ; хауса ci ; warja ta 'ешь!'// куш. * ta(') 'есть' (СФКЯ· 53);

WCh = t_1a_1rya 'луна, месяц' : PA = $t\bar{a}_2r$ > ангас F tār, сура F tār , монтол Jg tayi; PB = teryä > болева L tara, карекаре Lk tarei , дера N tere , тангале Jgrm targ маха Nm tarya ; хауса tsaya // куш. *ʒ̂Ah⌈j⌋Ar(r)- сем. *sÂhr 'луна' (СФКЯ II6-II7);

WCh = t_1ogon 'дыра, яма, отверстие' :PA = tugun 'яма' > ангас tun , сура tugun , карекаре Lk ton 'дыра, яма, нора', хауса tsoni 'отверстие';

WCh = $t\bar{u}bA$ 'каяться' > сура tuwap , болева tuub, хауса tuba ;

WCh = tugulu 'горшок для воды' : PA = tugul > ангас $t\bar{u}l$, сура tugul ; хауса tulu ;

WCh = tuphA 'плевать' : PB = tuphA > болева L tuf , дера N tuwi ; хауса tofa// егип. tf 'выплевывать'(E-G 5.297) сем. *ntp 'капать' (Ges.) ;

WCh = wAsA 'огонь' : PA = wus > сура J wus , ангас F wus, монтол J 'us , герка J wus , анкве Fp wusa , PB = $w\bar{o}si$ > болева K wozi , карекаре Lk yesi, тангале Jg wi , нгамо Nm wosi , маха Nm wo⌈i , (хауса wuta) // сем. *iš 'огонь' (Ges. 69), куш. *[ʾ]Âš- 'огонь' (СФКЯ 290), (егип. wṯḥ 'зажигать огонь') (E-G, I, 364) .

С П И С О К
лексических источников

1. Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков, М., 1973 (СФКЯ).
2. Иллич-Свитич В.М. Из истории чадского консонантизма: лабиальные смычные. Языки Африки, М., 1965 (И.Св.).
3. Опыт словаря ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидий, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (в-К), М., 1971.
4. Порхомовский В.Я. Исторический консонантизм языков котоко, М., 1972 (ИК).
5. Aisleitner J. Wörterbuch der ugaritischen Sprache, Berlin, 1963 (As.).
6. Bargery G.P. A Hausa-English and English-Hausa vocabulary. London, 1934.
7. Belot J.B. Vocabulaire français-arabe à l'usage des étudiants, Beyrouth, 1963 (Bl.).
8. Benton P.A. Notes on some languages of the Western Sudan. L., 1912 (B.).
9. Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 1-6. Berlin, 1957 (E-G).
10. Fitzpatrick J.F.J. Some notes on the Kwolla district and its tribes. "JAS", 1910-1911, vol.10,p.16-52, 213-221 (Fp).
11. Foulkes H.D. Angass manual. London, 1915. (F).
12. Greenberg J.H. The labial consonants of Proto-Afroasiatic "Word", 1958, vol.14, N 2/3, p. 295-302 (G).
13. Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, Berlin, 1954 (Ges.).

14. Jungraithmayr H. Die Sprache der Sura (Maghavul) in Nordnigerien, "A u Ü", 1963/64, Bd.47, p.8-89, 204-220 (J).
15. Materialen zur Kenntnis des Chip, Montol, Gerka und Burrum, "A u Ü", 1964/65, Bd. 48, p.161-182, (Jg).
16. Speciments of the Pa'a ("Afa") and Warja languages with notes on the tribes of Ningi Chiefdom, "A u Ü", 1966/67, vol.50, p.194-205.
17. The Tangale vowel harmony system reconstructed, "JAL", 1971, vol.10, p. 28-33 (Jgr).
18. Untersuchungen zur Sprache der Tangale in Nordostnigerien, Hamburg, 1956 (Jgrm).
19. Koelle S.W. Polyglotta Africana, London, 1854, (K).
20. Lukas J. Die Personalia und das primare Verb in Bolanci (Nordnigerien) , "A u Ü", 1971, Bd. 54 (N 4) (L).
21. Tschadohamitische Sprachproben aus Nordnigerien. Neue Afrikanistische Studien, 1966, p. 201-207, (Lk).
22. Meek C.K. Tribal studies in Northern Nigeria, London, 1931, vol. 1-2 (M).
23. Migeod, F.W.H. The languages of West Africa, London, 1911 - 1913 , vol. 1-2 (Mi).
24. Newman P., Historical sound laws in Hausa and in Dera (Kanakuru), "JWAL", 1970, vol. 7, p. 39-51 (N).
25. A brief note on the Maha language "JWAL", 1965, vol. 2(1), p.57-58 (Nm).
26. Shuji Matsushita. An outline of Gwandara phonetics and Gwandara-English vocabulary, "Study of languages and cultures of Asia and Africa", A series N 3, 1971.

Сокращения названий периодических изданий:

AuÜ - "Afrika und Übersee"
JAL - "Journal of African Languages"
JWAL- "Journal of West African Languages".

Е.В.Урысон

Относительное прилагательное в парадигме имени (на материале древнерусского языка).

Введение

0. Цель настоящей работы – исследовать относительные прилагательные "Успенского сборника XII–XIII вв." /в дальнейшем: Усп. сб./ и – на основании этого – реконструировать одну грамматическую категорию праславянского языка.

Объем Усп. сб. /304 листа/ – достаточно велик для поставленной задачи. Кроме материала этого памятника, привлекались также данные других исследователей /см. ссылки в тексте/.

I. Следующие термины: граммема, грамматическая категория, номинативное и синтаксическое значения словоформы, лексема, парадигма, грамматический разряд слов – употребляются в настоящей работе в том смысле, в каком они определены А.А. Зализняком[1] /это же, разумеется, относится и ко всем терминам, через которые определяются вышеперечисленные/.

2. В работе используются термины "активная синтаксическая" и "лексическая валентности"[2]. "Под активной синтаксической ва-

---

[1] А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение, М., 1967.

[2] Понятие лексической валентности введено Ю.Д. Апресяном, см.: Ю.Д. Апресян. Синонимия и конверсивы. – "Русский язык в национальной школе", 1970, №6; он же. Семантические преобразования и синтагматические фильтры. – "Машинный перевод и прикладная лингвистика", 1971, вып. 14. Из последней работы взят разбираемый здесь пример.

лентностью слова мы будем понимать его способность подчинять себе другое слово. Среди синтаксических валентностей выделим лексические, присоединяющие к данному слову имя необходимого элемента описываемой ситуации"[1]. Разницу между лексическими и нелексическими валентностями иллюстрирует следующий пример. У слова помощь четыре лексических валентности: валентность субъекта /ср. помощь Петра/, адресата /ср. помощь Ивану/, деятельности адресата /ср. помощь в работе/ и деятельности субъекта /ср. помощь советами/. Нелексические валентности слова помощь реализуются в словосочетаниях: троекратная помощь, совместная помощь, прошлогодняя помощь, эпизодическая помощь и т.д.

Для каждой валентности можно указывать ее семантическое содержание /как это сделано для лексических валентностей в приведенном примере/. Лексические валентности лексемы нумеруются; номер валентности тем меньше, чем обязательнее её реализация во фразе /см. приведенный пример, где валентности перечислены в порядке их номеров/.

Определение лексической валентности слова – в том виде, в каком оно приведено здесь, – не является формальным. Оно было бы формальным, если бы имелся словарь, в котором для каждой лексемы описываются: 1/ ситуация, которую она называет; 2/ необходимые элементы этой ситуации и способы их внешнего выражения. Тогда лексическими назывались бы те и только те валентности некоторой лексемы, которые указаны в словарной статье этой лексемы.

Для древнерусского языка словаря такого типа нет. Поэтому принято следующее допущение: о всякой лексеме древнерусского языка известно, есть ли у нее лексические валентности, и если да – то известны их номера и семантическое содержание. Принимается также такое допущение: для всякой лексемы во фразе известно, какие ее валентности какими лексемами заполнены.

---

[1] Ю.Д. Апресян. Синонимия и конверсивы, стр. 10.

3. Прилагательные делят на относительные и качественные, вообще говоря, на основе анализа их значения[1]. Таким образом, можно произвести анализ и затем классификацию значений достаточно большого числа прилагательных и в результате получить определение, моделирующее множество относительных и множество качественных прилагательных /при этом некоторое прилагательное, взятое в одном из своих значений может быть относительным, а взятое в другом значении - качественным/. Выделив круг относительных прилагательных, можно рассматривать их семантические, синтаксические и др. особенности.

С логической точки зрения это самый простой путь. Но практически он очень сложен, т.к. предполагает строгое описание значений большой группы слов.

Поэтому выбран другой способ. Сначала принимается рабочее определение относительных прилагательных; это определение достаточно просто, т.е. предполагает минимум знаний об объекте исследования - только информацию о морфологическом строении прилагательных. Затем рассматривается выделенная таким образом группа слов. В процессе исследования эту группу можно сужать и расширять /разумеется, точно формулируя все изменения определения/ - до тех пор пока не будет получена необходимая информация об относительных прилагательных[2].

---

[1] Иногда прилагательные делят на три группы: прилагательные качественные, относительные и притяжательные. Выбор любого из этих описаний не изменяет дальнейшего рассуждения.

[2] В традиционных грамматиках русского языка приводятся различительные признаки, на основании которых могут быть выделены качественные и относительные прилагательные. Это, например, наличие степеней сравнения, краткой формы, возможность образовать наречие на -о или -е и др. Но как показано М.И. Трофимовым /М.И. Трофимов. О формально-семантической классификации прилагательных в русском языке /к постановке вопроса/. - "Проблемы структурной лингвистики 1971", М., 1972/, на основании этих признаков нельзя разделить русские прилагательные на два класса. Кроме того, неясно, релевантны ли эти признаки для древнерусских прилагательных.

3.1. Примем следующее рабочее определение относительных прилагательных древнерусского языка рассматриваемого периода.

Относительным прилагательным называется слово, каждая словоформа которого состоит из следующих частей:

а/ именной флексии;

б/ одного из следующих суффиксов /суффиксы даны в морфонологической записи; чертой / разделены алломорфы с фонологически обусловленным распределением/: -ьn, -ьn', -šьn', -ьsk, -ov/-ev, -in, -j/ь/ или же т.н. сложного суффикса, т.е. суффикса, который состоит из каких-либо двух перечисленных /ср. -ovьn /;

в/ остатка, который состоит из основы какого-либо слова или же из нескольких основ; кроме этой основы /основ/ в остатке может быть приставка[1].

Принято допущение, что морфонологическая запись словоформ задана. Примеры:

поутьнъ, дѣдьнь, аньгельскъ, амосовъ, феврониинѣ, сватославль, божии, бѣсовьнъ, бѣсобьскъ, безгрѣшьнъ, присноживотьнъ, повиньнъ, домашьнии.

Если в составе прилагательного a выделяется основа существительного n , то будем говорить, что n - это производящее существительное / для a/.

3.2. Почти каждое прилагательное может субстантивироваться. В настоящей работе принят следующий подход к субстантивированным прилагательным: в предложение со словоформой a субстантивированного прилагательного A вводится словоформа n существительного N так, что словоформы a и n оказываются синтаксически связанными и согласованными; в полученной фразе словоформа a является словоформой прилагательного. Выбирается такое существительное N , чтобы смысл полученного предложения не отличался от смысла исходного /в пределах того же

---

[1] Специальный случай представляют собой относительные прилагательные, в составе которых есть морфема не. Такие относительные прилагательные в настоящей работе не рассматриваются. Не рассматриваются также прилагательные с приставкой прѣ- /пре-/, обозначающей "высокую степень качества".

текста/. Пример: недоужьнии ищѣлѣвахоу - недоужьнии [людиⷭ] ищѣлѣвахоу.

Принято допущение, что все предложения Усп. сб. с субстантивированными прилагательными переделаны таким образом.

4. За верхнюю границу праславянского языка принимается X-XI в.[I]. Таким образом, праславянский язык существовал во время написания Усп. сб. или же незадолго до этого. Говоря о праславянском языке и его диалектах, мы будем иметь в виду только живой, некнижный язык. Книжный язык славян этого периода будем называть церковнославянским языком.

§I. Номинативное значение относительных прилагательных

I. В любой фразе прилагательное синтаксически связано с существительным, причем является "зависимым". Будем различать два случая:

I/ прилагательное заполняет лексическую валентность существительного;

2/ прилагательное заполняет нелексическую валентность существительного.

В древнерусском языке были возможны обе эти ситуации. Рассмотрим каждую из них, временно ограничившись прилагательными, в составе которых нет приставки и нет никакой другой основы, кроме основы производящего существительного.

Относительное прилагательное, заполняющее лексическую валентность существительного

2. Как замечено исследователями древнерусского и старо-

[I] См.: В.Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. - "Славянское языкознание", М., 1959.

славянского языков[1] и как показывает материал Усп. сб., прилагательное может заполнять в принципе любую лексическую валентность – по номеру и по семантическому содержанию – любого существительного. Это относится и к притяжательным местоимениям, которые можно трактовать как прилагательные, образованные от личных местоимений.

Приведем примеры[2]:

I/ 300 в 32 – 300 г 2: сътворении же грѣховьнѣмь оумысе сѧ помыслъ ѥѧ .

/сотворение греха' – первая валентность, значение "объект"/.

---

[1]См.: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, М., 1952; В.Л. Георгиева. Некоторые вопросы истории относительных прилагательных в русском языке. – "Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та", т. 130, Л., 1957; Н.Н. Сверковская. Параллельные образования прилагательных с суффиксами -ьн- и -ьск- в древнерусском языке. – "Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка", М., 1964; она же. Прилагательные с суффиксами -ов- и -овьн- в древнерусском языке. – "Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования", М., 1962; она же. Прилагательные с суффиксом -ьск- в древнерусских памятниках IX–XIУ вв. – "Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка", М., 1969; Т.П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, М., 1956; С.В. Фролова. История образования притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -ов/-ев в русском языке. – "Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та", вып. 38, Куйбышев, 1963; она же. История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -j/-ьj по древнерусским письменным памятникам XI–XУП вв. – "Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та", вып. 27, Куйбышев, 1959; Л.Н. Шатерникова. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного. – "Уч. зап. Вологодского пед. ин-та", вып. I, Вологда, 1940.

[2]Цитаты из Усп. сб. приводятся без орфографических изменений, т.е. в том виде, в каком они даны в используемом издании. Исключения: 1/ ѡ передается через о; ꙋ – через оу; ѱ – через пс; 2/ все лигатуры раскрыты; 3/ не передаются надстрочные знаки – кроме титла; 3/ те буквы, которые в используемом издании записаны в скобках, в цитате пишутся без скобок; 4/ конец строки в цитате не обязан совпадать с концом строки Усп. сб. Слова /знаки/, которых нет в Усп. сб., но которые вставлены в цитату, заключаются в квадратные скобки. Слева от цитаты указывается номер листа и строки Усп. сб.

2/ 280 б 21 – 23: да очищеник грѣховьнок разоумьнъ даръ кстъ.
/‘очищение от греха’ – первая валентность, значение "объект"/.

3/ 186 б 25–28: не пытанна грѣховьнааго творать. нъ прошеник о грѣсѣхъ даютъ.
/‘вопрошение о грехах – первая валентность, значение "содержание"/.

4/ 106 в 18–20: да са обращете истиньии поклонителе бнли.
/‘поклоняющиеся Богу’ – первая валентность, значение "адресат"/.

5/ 244 а 25–28: ни изитиа гробьнааго могоу постигноути
/‘исход из гроба’ – вторая валентность, значение "исходный пункт"/.

6/ 252 а 26–32: оле гнѣ не тъщеславьнок ицѣленик. не жьдеть оуполнна болящиихъ. нъ самъ идаше къ страющиимъ.
/‘исцеление Господом’ – вторая валентность, значение "субъект"/.

7/ 241 г 26–27: иона въ чрѣвѣ китовѣ спѣнъ бысть.
/‘чрево кита’ – первая /и единственная/ валентность, значение "часть"/.

8/ 56 б 8–9: си врата небесьнаа.
/‘врата в небо’ – первая валентность, значение "направленность"/.

9/ 283 а 5–7: свѣтьло нбо чинъмъ звѣздьнъимъ оукрашакмо.
/‘строй, порядок звезд’ – единственная валентность, значение "элемент", или "член"/.

Приведем примеры на притяжательные местоимения.

10/ 55 в 15–17: присно же вълагаи въ срдца наша страхъ твои /страх перед тобой’ – вторая валентность, значение "объект"/.

11/ 9 в 8 – 9: о бикнии мокмь помышакть.
/‘убийство меня’ – первая валентность, значение "объект"/.

3. Покажем, что

1/ любая словоформа существительного д. и любая словоформа образованного от него прилагательного д. суть словоформы одной и той же лексемы;

2/ в номинативном значении прилагательного а нет ни одного элемента значения, которого нет в номинативном значении производящего существительного п.

3.I. Используем прием перевода, а именно перевод с древнерусского языка на некоторый мысленно сконструированный язык R и обратно[I]. Этот язык R совпадает с русским во всех пунктах, кроме следующего: набор собственно номинативных значений в этом языке – тот же, что в древнерусском. Другими словами, язык R получается из русского путем следующей /мысленной/ операции: набор лексем русского языка заменяется на набор лексем древнерусского языка, грамматика остается прежней. Для простоты условимся нужные примеры фиксировать не на языке R, а на русском – мысленно производя замену русских лексем на древнерусские.

Назовем синтагмой пару словоформ $\widetilde{ху}$ /лексемы соответственно X и У/ такую, что в некоторой фразе с этими словоформами /и при отсутствии других словоформ этих лексем/ лексема X заполняет валентность лексемы У.

Будем рассматривать древнерусские синтагмы, такие, что прилагательное заполняет лексическую валентность существительного /синтагма ап, а – прилагательное, п – существительное/.

Очевидно, что если в древнерусской синтагме $\widetilde{ху}$ лексема X заполняет валентность лексемы У, то и в переводе этой синтагмы на язык R, лексема X заполняет ту же валентность лексемы У[2].

[I]Другими словами, язык R используется в качестве метаязыка для описания древнерусского языка.

[2]Действительно по определению языка R древнерусская лексема У описывает ту же ситуацию, что и ее перевод У', и следовательно, валентности лексемы У' совпадают с валентностями лексемы У. А так как древнерусская синтагма $\widetilde{ху}$ и ее перевод $\widetilde{х'у'}$ значат одно и то же, то лексемы X и X' называют один и тот же необходимый элемент описываемой ситуации.

Переводом синтагмы an на язык R является синтагма nn, т.е. в языке R лексическая валентность существительного заполняется не прилагательным, а существительным же - см. переводы для примеров /I/ - /II/[I].

Итак, словоформа лексемы N языка R может быть переведена на древнерусский словоформой с синтаксическими функциями прилагательного: греха - грѣховьное, Богу - божии, гроба - гробьнаго, меня - моемь и т.п. /см. примеры /I/ - /II/. Эта же словоформа может быть переведена на древнерусский и словоформой с синтаксическими функциями существительного: греха - грѣха, Богу - богоу, гроба - гроба, меня - мене и т.п.

А это значит, что для рассматриваемой ситуации, существительное и образованное от него относительное прилагательное имеют одно и то же собственно номинативное значение. Следовательно, их словоформы являются словоформами одной лексемы.

3.2. Перейдем ко второму утверждению. Сравним древнерусские синтагмы an и их переводы nn на язык R [см. примеры /I/ - /II/]. В переводе каждой древнерусской синтагмы на язык R нет никаких потерь смысла. Следовательно, в номинативном значении древнерусской словоформы a не содержится ни одного элемента значения, которого нет в номинативном значении словоформы n языка R /если a и n - переводы друг друга/.

Номинативные значения словоформы n языка R и ее древнерусского перевода - словоформы n^0 с синтаксическими функциями существительного - могут отличаться друг от друга только элементом, информирующим о числе: /грамматическая категория

[I] В некоторых случаях - см. /2/, /3/, /5/, /8/, /10/ - в переводе есть предлог, управляющий "зависимым" существительным. Такой предлог /называемый "сильноуправляемым"/ в нашем описании может рассматриваться как внешнее выражение элемента синтаксического значения управляемого им существительного /наряду с падежным окончанием/.

В русском языке допускается, чтобы валентность существительного заполнялась прилагательным, ср. американская агрессия. Но это допустимо для весьма узкого круга слов, ср. *американское нападение. Поэтому мы считаем возможным синтагму an языка R из рассмотрения исключить.

числа в языке R имеет две граммемы – "единственное число", и "множественное число", а в древнерусском – три граммемы: "единственное число", "двойственное число" и "множественное число".

Что касается относительного прилагательного, то в его номинативном значении вообще нет элемента, информирующего о числе [т.е. словосочетание типа умывание ножьнок может значить и 'умывание ноги' /ед. число/, и 'умывание ног [человека]' /дв. число/, и 'умывание ног [животного]' /мн. число/][1].

Следовательно, в номинативном значении словоформы а нет ни одного элемента, которого нет в номинативном значении и словоформы производящего существительного n^{0}.

На основании всего сказанного можно сделать и более сильное утверждение. В номинативном значении прилагательного а нет ни одного грамматического элемента значения; следовательно, номинативное значение прилагательного а равно собственно номинативному значению производящего существительного а.

Относительное прилагательное, заполняющее лексическую валентность существительного

4. Любое относительное прилагательное может заполнять лексическую валентность существительного. Примеры.

I2/ II2 a7 – 23: Моиси [...] ѣжиѭ люди [...] хлѣба англьска насыти /'хлеб ангелов'/.

---

[1] Существует тенденция образовывать относительные прилагательные от одушевленных существительных во множественном числе – с помощью суффикса -ьsk , а от тех же существительных в единственном числе – с помощью суффиксов -j/-ьj, -in, -ov/-ev /см. А. Вайан. Ук. соч./. Но для древнерусского это тенденция речи, а не языковое правило; ср. данные С.В. Фроловой: прилагательное с суффиксом -j/ьj может обозначать и одно лицо, и несколько лиц, и категорию лиц /С.В. Фролова. История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -j/-ьj по древнерусским письменным памятникам XI–XVII вв./.

I3/ 260 б 28-29: о блоудьницѣ апльскиѣ /Genetivus exclamationis ; о самаритянке; 'блудница-апостол', т.е. 'блудница, которая есть апостол'/.

I4/ 238 в 8-II: никъто же бо ѥи оуже аѥы законьноую женоу приближити сѧ хотѧше.
['жена по закону /в соответствии с законом/'].

I5/ 257 г 29-258а I: ѩко же рыбарьстии ловьци. чьто бо творять они. сльци въложать въ море оудоу.
/'ловцы, конкретнее рыбаки'/.

I6/ I00 г 27-29: Прѣтьрпимъ братие жизнь бо райскаѧ наша ѥсть.
/'жизнь в раю'/.

I7/ II7 г 22-23: кроупы бероущи трапезьныѣ
/'крупы для трапезы'/.

I8/ I20 г 3-4: данила раба своего издрова львова
[спаслъ]
/'ров со львами'/.

I9/ I58 г 29-32: Баше же родьноѥ имѧ ѥмоу прозъвано родитлѥма ѥго. папъосъ.
/'имя, которое дают при рождении'/.

20/ 268 б 5-7: къто слыша така и трепетьна и страшьнаѧ дѣланиѣ /'деяние, которое внушает и трепет и страх'/.

Из примеров видно, что если прилагательное а , образованное от существительного с номинативным значением $'N^O'$, заполняет нелексическую валентность существительного n /номинативное значение 'N'/, то в значении словосочетания an есть значение $'N^O'$ и смысловая связь между $'N^O'$ и 'N' может быть практически любой. Значение этой связи зависит от $'N^O'$ и 'N' и от широкого контекста.

Другими словами, все многообразнейшие значения этой смысловой связи находятся как бы в отношении дополнительного распределения. Поэтому будем считать, что у этой связи есть одно достаточно общее значение, которое и получает ту или иную конкретизацию в зависимости от "окружения".

Значением связи будем считать следующее: ‘связанный с’, а значением словосочетания ап такое: ‘N^{a}, связанное с N^{b}’.

Достаточно очевидно, что значение ‘N^{O}’ присутствует в значении а. Выясним, входит ли в значение а элемент ‘связанный с’. Рассмотрим оба возможных ответа на этот вопрос /и соответственно, два способа описания относительных прилагательных/.

I. Этот элемент значения входит в значение а. То есть, грубо говоря, значение относительного прилагательного а равно сумме двух значений: значение производящего существительного + значение ‘связанный с’. Но если это же прилагательное заполняет лексическую валентность существительного, то элемента значения ‘связанный с’ в его /прилагательного/ значении уже нет /см. 3/.

Другими словами, в значении всякого относительного прилагательного есть элемент ‘связанный с’, который в некоторых употреблениях может нейтрализоваться.

II. Элемент значения ‘связанный с’ не входит в значение а. Понятно, что в значение п он тоже не входит. Следовательно, этот элемент есть только в словосочетании, взятом целиком; другими словами это элемент синтаксического уровня / ср., например, элемент ‘ принадлежность’ в словосочетании дерево Петра/.

В настоящей работе выбран именно этот способ описания[I].

При таком описании в номинативном значении относительного прилагательного А нет ни одного элемента, которого нет в номинативном значении производящего существительного N.

5. Рассмотрены прилагательные, образованные от основ существительных. Рассмотрим прочие относительные прилагательные.

5.I. В старославянском языке суффикс -ѣнъ страдательных причастий прошедшего времени после падения редуцированных может писаться так: -ьнъ. Древнерусские книжники могли писать

[I]Первый способ может оказаться удобным для диахронического описания.

страдательные причастия прошедшего времени в соответствии со старославянской орфографией. В древнерусском языке рассматриваемого периода редуцированные еще были; это явилось причиной того, что глагольные суффиксы -ѣнъ и-енъ стали восприниматься как разные. А именно, в древнерусском языке глагольные формы с суффиксом -ѣнъ – это не страдательные причастия, а отглагольные прилагательные, что ясно видно по их значению. Примеры.

21/ 98 а 14-16: оубиистоу ли или вълъшьствоу повиньнѣ кста - прилагательное от глагола повинити.

22/ 239 б 23-25: искоупоующаго животворьною кръвию(своюю)миръ- прилагательное от глагола животворити.

В нашем описании значение такого прилагательного то же, что значение глагольной основы, к которой присоединен суффикс.

5.2. Прилагательные могут образовать и от наречий /предлогов/; суффикс в таких прилагательных -ѣn' или его вариант -ѣъn'. Примеры.

23/ 77 а 20-22: приде же люта тоуча на люди противьныѣ - прилагательное от наречия /предлога/ противоу.

24/ 146 б 7-9: иди поимь осьла се домашьнкк и шьдъ на търъгъ продажь к -
прилагательное от наречия дома.

25/ 68 г 18-19: затворь же вънѣшьныѣ двѣри пс̄рь - прилагательное от наречия /предлога/ вънѣ.

В предлагаемом описании значение прилагательного совпадает со значением наречия /предлога/, от которого оно образовано.

5.3. Рассмотрим прилагательные с суффиксом -ѣn , в составе которых выделяется основа не одного, а нескольких слов и/или приставка.

26/ 147 а 18-21: осьла се зълоую свою шюдь поманоувъ. [...] и имъ бедроу кго за мѣсто въ не же дале вреженъ. злощюдьнъмь скотъмь.

27/ 26I б 27-3I: извожю [..] отъ тьмы въ свѣтъ. отъ моукы въ прѣство присноживотьнок - ср. приснъ животъ.

28/ I95в II-I2: блговоньны масти - ср. блага вонѧ

29/ II0 г 6-7: разоумѣвъ многоматежьныи съ свѣтъ - ср. мъногъ матежь.

30/ 240 б 28-30: прикосноу сѧ къ безгрѣшьнѣи плъти - ср. без грѣха.

3I/ 75 б 6-8: то чимь оубо законопрѣстоупьни камь - ср. законъ прѣстоупити.

Мы будем считать, что подобные прилагательные образованы от словосочетаний. Номинативное значение такого прилагательного совпадает с номинативным значением словосочетания.

§2. Употребление относительных прилагательных

Правила выбора словоформы, зависимой от словоформы существительного

6. Правило I. Любая валентность существительного /лексическая и нелексическая/ может быть заполнена относительным прилагательным /см. п.п. 4 и 2/.

Отсюда следует, что разные смыслы могут выражаться одинаково, например, прѣслоушаниѥ адамово значит и 'Адам преслушался' и 'Адама преслушались'; пытаниѥ грѣховьноѥ значит и 'вопрошение о грехе /грехах/', и 'вопрошение, которое есть грех' и т.п. Этот факт древнерусского /праславянского/ синтаксиса неоднократно отмечался исследователями[I].

В некоторых случаях такая неоднозначность может специально обыгрываться в тексте, ср.

[I] См.: Л. Вайан. Ук. соч.; В.Л. Георгиева. Ук. соч.; И.П. Зверкопская. Параллельные образования прилагательных с суффиксами -ьн- и -ьск- в древнерусском языке; она же. Прилагательные с суффиксом -ьск- в древнерусских памятниках IX-IУХ вв.; Т.П. Лохтев. Ук. Соч.; С.В. Фролова. Ук. соч., Л.И. Шатерникова. Ук. соч.

32/ 143 в 17-29: аще гъ [...] раздрѣшить неплодьствиѧ наю оузы. аще моужьскъ полъ или женьскъ родить сѧ нама. принесевъ к дарꙋ хр̃и. [...] рожьши бо сѧ тои абиѥ божии даръ изрекоша ю.

Божии дарꙋ зд. значит ь 'дар Бога', и 'дар Богу'.

7. Правило 2. По крайней мере некоторые валентности существительных /лексические и нелексические/ иногда заполняются не относительными прилагательными, а существительными же в форме 1/ родительного падежа или 2/ дательного падежа[1].

Применение этого правила также может вести к омонимии словосочетаний.
Примеры.

а/ Лексическая валентность существительного заполнена существительным в форме родительного падежа:

33/ 182 а 5-6: множьство англьскоѥ прѣрищеть - ср. 294б 23-25: множьство чрьньць кдиною и дъва краты отвьргоша сѧ ихъ.

34/ 187а 20-22: источьникы испоустивъ от очию слъзьныѧ - ср. 203а 12-14: источьникъ слъзъ на нозѣ мои из очию пролиꙗ.

35/ 263 в 2-4: ꙗко же и въ дѣꙗниихъ апс̑льстѣхъ пишеть сѧ - ср. 35б 10-12: ꙗко же пишеть сѧ въ дѣꙗниихъ апс̑лъ.

36/ 182г 20-22: коупьство нб̑сьноѥ кость. а мы лѣнимъ сѧ /'покупание неба'/ - ср.
183а 8-10: а иде же коупьство бесъмьртиꙗ. лѣните сѧ /'покупание бессмертия'/.

б/ Лексическая валентность существительного заполнена существительным в форме дательного падежа:

37/ 203г 15-17: годъ обѣдьныи рече. вьсѧ же земл

---

[1] См.: А. Вайан. Ук. соч.; М. Видмар. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVII-XIX вв. - "Scando-slavica", Copenhagen, t.4, 1958; Т.П. Ломтев. Ук. соч.; С.В. Фролова. Ук. соч. Л.П. Катерникова. Ук. соч.

обѣдоваше - ср. 42в I7-I8: бѣ бо годъ обѣдоу.

38/ 30Iг 29-3I: отвьрѣзъ же двьрьма хызьнаѧ /двери хижины/ - ср.

60а 23-24: прѣдъ двьрьми храмоу.

39/ 204б 2-6: да еще аггль не трѣбоуѥть свѣта сътворены. то творьць ли аггльскыи трѣбоуѥть свѣта - ср.

296б 26-28: бъ ѥсть творьць нбоу и земли и вьсѣмоу ѥже на нею.

Во всех приведенных примерах существительное заполняет первую - или единственную - лексическую валентность. У нас нет примера, когда оно заполняло бы непервую валентность. Разумеется, никаких выводов на основании этого делать нельзя: в Усп. сб. может не быть нужного примера и случайно, ибо первая валентность вообще - по определению - бывает заполнена чаще других.

в/ Нелексическая валентность существительного заполнена существительным в форме родительного падежа:

40/ I96а I-4: ти покрыи ми жизни скьврьноу. приими муро се.

4I/ 34б II-14: тако же и шлѣмъ спсенья иже бѣ на главѣ ѥго сънѣмъ завьрже и.

42/ I8Iг 29-30: велика чюдеса милостьнь [I].

8. Эти правила заполнения валентности существительного являются синонимичными. Иногда эта синонимия используется в стилистических целях, ср.

43/ 277а 6-9: и вѣдѣ плачь очь. и мтре кричанье. вѣдѣ печальноѥ море.
/плач отца, крик матери, море печали/.

44/ 202а 2-3: срдчьнаѧ язва. очию оуда /о блуднице/.

9. Правило 3. Любая валентность существительного заполняется не относительным прилагательным, а существительным же /в

[I] Безусловного примера на заполнение нелексической валентности существительного существительным в форме дательного падежа у нас нет.

форме родительного или - в некоторых случаях - дательного падежа/, если последнее само имеет "зависимых" /в том числе и приложение/[1].

45/ 291г 1-2: вѣниде рабе б҃жии къ намъ - ср.
296а 30-31: въ истиноу рабъ ѥсть жива б҃а.

46/ 173в 2-3: савинъ игоуменъ манастырьскыи - ср.
26б 14-15: игоумена манастыра сего.

47/ 233б 7-10: таче на нозѣ сльзы пролѣть. и власы главьнъıми отъре - ср.
195в 15-17: начатъ мочити нозѣ ѥго сльзами. и власы главы своѥѧ отираше.

48/ 34в 28-29: молаше сѧ въ таинѣ срдца своѥго къ млсрдоуоумоу б҃оу.

49/ 296в 9-10: наставьниче живоуоу нашемоу[2].

Ср .также:

50/ 58в 5-7: глас кръве брата твоѥго въпиѥть на тѧ къ б҃оу.

51/ 53а 19-22: приспѣвъшю нѣколи праздъникоу оусъпениѧ прѣстъıѧ бц҃ѣ.

10. Три этих правила описывают самые распространенные способы заполнения валентности существительного. Два следующих правила описывают более редкие случаи.

10.1. Валентность существительного заполняет существительное, управляемое предлогом /ср. примечание 1 на стр. 48 /.

а/ Примеры на лексическую валентность:

52/ 292г 23-24: о сѣмь авраамии слово.

53/ 47в 1-2: Сицево же чюдо о цркви тои.

---

[1]См.: А. Вайан. Ук. соч.; М. Видмэс. Ук. соч.; Т.П. Ломтев. Ук. соч.; С.В. Фролова. Ук. соч.; Л.Н. Катерникова. Ук.соч.

[2]См. примеч. на стр. 55.

54/ 55б 6-8: не имѣти надежа о земьныихъ дѣлѣхъ никокыа же.

55/ I37а I6-I8: о дъщери пьрѳуриквѣ. раздроушоу съвѣщаник.

56/ 296а II-I2: кто любъвь къ намъ.

57/ 55б 4-5: оупованиѥ имѣаше къ гоу нашемоу.

58/ 50а 32-50б 2: сицево млсрьдиѥ къ оученикомъ своимъ имѣаше.

59/ 40г 29-30: тъщаниѥ къ стѣи влдчци.

60/ 44в I2-I4: бъ видѣ твоѥ трьпѣниѥ подасть ти побѣдоу на нѣ.

б/ Примеры на лексическую валентность.

6I/ 53б I3-I4: сѣсоудъ тъ съ маслъмь - ср. :
203а 3-4: сѣдоушьныи гробъ /гроб с душой, о блуднице/.

62/ 56в 5-6: несъпанию по вьсѣ ноши - ср. -
43б 6-7: нощьнааго ради посъпанию.

I0.2. Нелексическая валентность существительного может быть заполнена существительным в форме творительного падежа с "зависимым" прилагательным или существительным /приложением/.

63/ II5г I6-I7: моужь житиѥмь славьныимь.

64/ 45г 4-5: чьноризьць санъмь прозвутеръ . имѣньмь дамианъ.

II. Рассмотрим соотношение тех правил, которые "обслуживают" валентности и лексические и нелексические. Правило, проиллюстрированное в п. I0.2, из рассмотрения исключается. По некоторым соображениям /о которых см. ниже/ правило, описанное в п. I0.I, считается относительно поздним. Поэтому ограничимся правилами I-8.

Правила I и 2 синонимичны. Само правило 2 тоже, по существу, состоит из двух синонимичных. Эта синонимия правил и - с другой стороны - омонимия словосочетаний в древнерусском /праславянском/ языке - описывались неоднократно[I]. При этом отмечалось ,что

[I]См.: В.Л. Георгиева, Ук. соч.; Н.Н. Зверковская. Параллельные

описанная система на протяжении истории русского языка имела тенденцию к упрощению, т.е. к устранению омонимии словосочетаний и синонимии правил.

I2. Омонимия словосочетаний, в особенности для древних языков, - явление распространенное. Но особого объяснения требует то, что одна и та же лексическая валентность одного и того же слова в одной и той же грамматической форме может быть заполнена разными словоформами с одним и тем же номинативным значением. Для такой системы необходимо реконструировать исходное состояние.

Реконструкция описанной системы правил[1]

I3. Л.Н. Шатерникова[2] сравнила конкретные конструкции $N \rightarrow N_{gen}$ древнерусских текстов с конкретными конструкциями,

---

образования прилагательных с суффиксами -ьн- и -ьск- в древнерусском языке; Т.П. Лохтев. Основные направления в развитии структуры простого предложения в славянских языках. - "Славянское языкознание", М., 1973 /УП Международный съезд славистов/ Варшава, август, 1973 г. Доклады советской делегации/; он же. Очерки по историческому синтаксису русского языка; С.В. Фролова. Ук. соч.; Л.Н. Шатерникова. Ук. соч.

[1] Далее для удобства записи используются следующие символы: N - существительное, N_{gen} - существительное в форме родительного падежа; N_{dat} - существительное в форме дательного падежа; N_{instr} - существительное в форме творительного падежа; V - глагол; A - прилагательное /причастие/; X - любое слово или же последовательность слов, каждое из которых непосредственно - "зависит"от предыдущего; $\rightarrow$ - символ непосредственной синтаксической связи; направление стрелки - от "главного" символа /слова/ к "зависимому".

Словосочетание /предложение/, записанное в этих символах будем называть конструкцией. Будем различать конкретные и абстрактные конструкции /о конкретных и абстрактных лингвистических единицах см., напр., в: А.А. Зализняк. Ук. соч./. Абстрактную конструкцию будем также называть просто "конструкцией".

[2] См.: Л.Н. Шатерникова. Ук. соч.

соответствующими им в греческих оригиналах. Ею сделан вывод, что исконно праславянской была только конструкция N ⟶ A; конструкции с N_{gen} появились и с к л ю ч и т е л ь н о под влиянием греческого языка. Вплоть до I8 в. конкретные конструкции $N \longrightarrow N_{gen}$ были очень редкими; они допускались, лишь если оба существительных имели отвлеченное значение /ср. мерзость запустения/. Только с I8 в под влиянием западных языков эти конструкции встречаются все чаще.

К аналогичному выводу пришла и М. Виднэс[I]. В частности, она приводит данные о том, что сами носители языка считали конструкцию $N \longrightarrow N_{gen}$ книжной и заимствованной, причем такой она ощущалась еще в XVII в. /см. Псалтырь I646 г. – примечание на стр. 402, и "Грамматику Словенскую" Федора Максимова, напечатанную в I723 г./.

I3.I. Вывод Л.Н. Шатерниковой и М. Виднэс позволяет дать простую интерпретацию следующим примерам.

65/ 87в I8-I9: побѣдительныи образъ съмьрти – о кресте, явившемся над Голгофою.

Это может значит только образ победителя смерти . Смысл выражен явно неправильно. Объяснение: Переводя конкретную конструкцию $N \longrightarrow N_{gen} \longrightarrow N_{gen}$ переводчик первое N_{gen} – в соответствии с правилами своего языка – переводит как A. Далее перевод по правилам праславянского языка надо построить так, чтобы перевод второго N_{gen} не зависел непосредственно от A /т.к. конструкции $A \longrightarrow X$, где X – не наречие, в праславянском нет/. Но надо, чтобы перевод этого N_{gen} по смыслу относился к A. Например, возможен такой перевод: образъ побѣдительныи. побѣда кѣсть съмьрьтьнаѧ . Но этом уже слишком большое отступление от оригинала /напомним, что он является сакральным текстом/, и переводчик это N_{gen} и переводит как N_{gen}.

Аналогично можно трактовать и примеры /66/ – /69/:

66/ I45б 3-5: повелѣваѥть абик вличьнь образъ хѫ бѫ

[I] См.: М. Виднэс. Ук. соч.

нашего [...] съврѣди и долоу и огню прѣдати – 'Образ владыки Христа Бога нашего'.

67/ 248г 6-9: о страсти и о погребении и о въскрьсении їсовѣ хѣ бѣ нашего.

68/ 128а 24-25: въ домоу двдовѣ отрока своєго.

69/ 130а 17-19: съвѣщаховѣ кмоу дъщерь пьрфуриквоу болѧрина.

Ср. также:

70/ 197г 21-24: оле чювьство жидовьско. не разоумѣющиихъ ако кєть лѣпо – 'чувство иудеев, не понимающих ...'

Можно полагать, что в оригинале была конструкция $N \longrightarrow N_{gen} \longrightarrow A$. В соответствии с правилами своего языка переводчик переводит N_{gen} как А. В результате получается конструкция $N \longrightarrow A \longrightarrow A$.

13.2. Что касается конструкции $N \longrightarrow N_{dat}$, то она, по-видимому, тоже является относительно поздней; см., например, в учебнике А.Вайана: "дательный принадлежности – это дательный назначения, который развился в качестве заменителя родительного принадлежности"[1].

13.3. Итак, исконно праславянской является конструкция $N \longrightarrow A$, но не $N \longrightarrow N$[2]. Конструкция $N \longrightarrow N$ /конкретнее, конструкции $N \longrightarrow N_{gen}$ и $N \longrightarrow N_{dat}$ / появились в церковнославянском под влиянием греческого.[3]

Праславянским, следовательно, является только правило 1. Правила 2 и 3 возникли в церковнославянском в результате контакта с греческим.

Описание лингвистического механизма этого явления выходит далеко за рамки предлагаемой работы.

---

[1] А. Вайан. Ук.соч., стр. 215.

[2] Мы отвлекаемся от конструкции $N \longrightarrow N_{instr}$, т.к. она употребляется очень редко /см. А. Вайан. Ук. соч.; З.И. Борковский, П.С. Кузнецов Ук. соч./.

[3] Существует точка зрения, согласно которой в праславянском языке были конструкции $N \longrightarrow A$ и $N \longrightarrow N \longrightarrow N$, но не было конструкции $N \longrightarrow N$ [см. С.В. Фролова. Выступление /по докладу М. Видноэ/. – "Проблемы славянского языкознания", т. 2, М., 1962. /IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии/]. По современным представлениям о синтаксической структуре языка такая ситуация невозможна. Действительно, если в языке есть конструкция $N \longrightarrow N \longrightarrow N$, то существует правило, по которому символ N может быть заменен на цепочку $N \longrightarrow N$: $N \Longrightarrow N \longrightarrow N$. Естественно считать, что конструкция тем слож-

I4. Примеры из п. I0.I содержат конструкцию N⟶N /о предлоге см. примеч. I на стр.48 /. В следующих примерах эта конструкция заменена по существу на сложное предложение.

7I/ 59б 6-7: оутѣшеникъ иже от обличениꙗ того.

72/ 59г II-I3: въспоминаите томоу страхъ бжиі. и любъвь иже къ братоу.

73/ 63г 23-24: разоумѣите дьрьзновеникъ мои иже къ бу.

74/ 62б II-I2: иже къ цркви тѣщаникъ .

См. также примеры /6I/, /62/, где эта конструкция заменена на конструкцию $N \longrightarrow N_{gen}$.

Эти примеры, по-видимому, тоже могут свидетельствовать о непривычности для церковнославянского конструкции N⟶N . Подробная аргументация выходит за рамки предлагаемой работы.

§8. Об одной словоизменительной грамматической категории праславянского языка

I5. Праславянские существительное и образованное от него относительное прилагательное имеют одно и то же собственно номинативное /т.е. неграмматическое номинативное/ значение /см. §I/. Они различаются употреблением: прилагательное употребляется в позиции синтаксической зависимости от существительного, а существительное - во всех остальных позициях /см. §2/. Отсюда следует, что I/ существительное и образованное от него относительное прилагательное - это словоформы одной и той же лексемы[I]; 2/ существительное и относительное прилагательное различаются своими синтаксическими значениями. Если отвлечься

нее, чем большим количеством правил / или их применений/ она образована. Конструкция N⟶N⟶N получается двойным применением приведенного правила, а конструкция N⟶N - ровно одним применением этого правила; следовательно, конструкция N⟶N⟶N сложнее, чем конструкция N⟶N . Но наличие в языке более сложной конструкции при отсутствии более простой /или, что то же, существование ограничения снизу на количество применения правила N⟶N⟶N / представляется невероятным.

[I] На притяжательные прилагательные /которые по нашему описанию входят в множество относительных прилагательных/ эту точку зрения впервые высказал Н.С.Трубецкой: Н.С.Трубецкой. О притяжательных прилагательных /Possessiva/ в старославянском языке.-"Зборник у част А. Белића". Београд, 1957.

от конструкций с приложением типа *моужь новьгородьць*, то разница в этих значениях может быть описана следующим образом.

Существует грамматическая категория, которую можно назвать "потенциальной синтаксической зависимостью". Она состоит из двух граммем: "потенциальная синтаксическая зависимость от словоформы с синтаксическими функциями существительного" и "отсутствие потенциальной синтаксической зависимости от словоформы с синтаксическими функциями существительного". В синтаксическом значении относительного прилагательного есть первая граммема, а в синтаксическом значении существительного - вторая граммема.

Означающим для первой граммемы являются суффиксы относительных прилагательных. Означающим для второй граммемы является нулевой показатель. Маркированной граммемой, очевидно, является первая[1].

---

[1] В принципе, аналогичная ситуация может быть описана не с помощью предложенной грамматической категории, а с помощью рекционных и согласовательных падежей /о рекционных и согласовательных падежах см. И.А. Мельчук. Падеж. - "Ин-т русского языка, ПГЭПЛ, Предварительные публикации, вып. 68. М., 1975 ; рекционные падежи характеризуют управляемое существительное, ср. - *читает книгу/ книга*, а согласовательные падежи характеризуют согласующиеся существительные и прилагательные, ср. - *интересную книгу/интересные книги, ракете-носителю*/. Тогда в праславянском языке словоформа с синтаксическими функциями существительного оформлена каким-либо рекционным падежом /конструкция с приложением из рассмотрения исключена/, а словоформа с синтаксическими функциями прилагательного, принадлежащая к той же лексеме /т.е. относительное прилагательное/ оформлена двумя падежами: согласовательным, ср. - *отьнова дома*, и рекционным, указывающим на зависимость этой словоформы от словоформы существительного. Означающим этого рекционного падежа являются суффиксы относительных прилагательных. Но в праславянском относительное прилагательное и существительное достаточно сильно отличаются друг от друга: значение 'число' является номинативным для существительного и только синтаксическим для прилагательного; кроме того, они управляются словами, принадлежащими к разным грамматическим разрядам, и не могут иметь зависимых из одного и того же грамматического разряда. Интуитивно ясно, что словоформы, различающиеся только граммемой падежа, не должны иметь столь разные свойства.

16. Рассмотрим парадигматическую схему лексем, некоторые словоформы которой являются существительными, а некоторые прилагательными.

Некоторые клетки парадигмы этой лексемы /по общепринятым описаниям таких клеток 18/ имеют каждая в качестве названия грамматическое значение состоящее из 1/ одного номинативного элемента, информирующего о числе; 2/ трех синтаксических элементов:

а/ элемента, информирующего о "потенциальной синтаксической зависимости";

б/ элемента, информирующего о роде;

в/ элемента, информирующего о падеже.

Элемент /а/ - так же как элемент /б/ - для всех клеток из этой совокупности один и тот же. Словоформы, находящиеся в этих клетках парадигмы, традиционно называют существительными.

Каждая из остальных клеток /их 108/имеет в качестве названия грамматическое значение, состоящее из пяти синтаксических элементов:

а/ элемента, информирующего о "потенциальной синтаксической зависимости";

б/ элемента, информирующего о роде;

в/ элемента, информирующего о числе;

г/ элемента, информирующего о падеже;

д/ элемента, информирующего об определенности - неопределенности.

Элемент /а/ для этой совокупности клеток - так же, как и для предыдущей - один и тот же.

Словоформы, находящиеся в этих клетках парадигмы, традиционно называют относительными прилагательными.

Ни одна из этих грамматических категорий не является классифицирующей[1] для данной парадигмы; в частности, грамматические категории "род" и "потенциальная синтаксическая зависимость" также являются словоизменительными.

Совокупность слов, имеющих описанную парадигматическую схему, образует особый грамматический разряд, который мы будем называть "имя". Те словоформы лексем этого разряда, которые в парадигме заполняют первую совокупность клеток, будем называть "субстантивными именами". Словоформы, которые в парадигме заполняют вторую совокупность клеток, будем называть "адъективными именами".

Граммемам, введенным в п. 15, дадим более короткие названия «потенциальная синтаксическая зависимость от "субстантивного имени"», «отсутствие потенциальной синтаксической зависимости от "субстантивного имени"».

17. В древнерусском языке есть лексемы, любая словоформа которых имеет синтаксическую функцию прилагательного. Это т.н. качественные прилагательные типа соухъ, новъ, синь, желтъ, хытръ, крилатъ, именитъ, милостивъ, высокъ, жестокъ, гладькъ, тажькъ и под.

В составе некоторых таких прилагательных выделяется основа имени. Тем не менее ни для одного такого прилагательного не существует "субстантивного имени" с тем же собственно номинативным значением. Такие слова назовем "собственно прилагательными".

"Собственно прилагательные" в принципе можно рассматривать как имена с дефектной парадигмой: у них стоит прочерк в тех клетках, в которых для других имен помещаются "субстантивные имена". У "собственно прилагательных" означающим для граммемы "потенциальная синтаксическая зависимость от "субстантивного имени" является нулевой показатель.

Другой существенной особенностью "собственно прилагатель-

---

[1] См.: А.А. Зализняк. Ук. соч.

ных" является то, что они могут заполнять только нелексическую валентность существительного.

I8. От "собственно прилагательных", а также и от других имен можно образовать степени сравнения. Пример:

75/ 88в 27-31: чьто ѥсть любы҄ крьсна имене. или слѧже крьстиѧномь. чьто же ѥсть дѣистьвьнѣ҄ ѥго. на чюдотворение.

Вопрос о том, входят ли степени сравнения в парадигму производящего слова, вообще говоря, окончательно не решен[1]. Материал Усп. сб. слишком мал для того, чтобы на его основании можно было делать какие-нибудь выводы по этому вопросу.

Некоторые отличия церковнославянского и праславянского языков, связанные с относительными прилагательными

I9. В церковнославянском языке от "субстантивного имени" может зависеть и "адъективное имя" и "субстантивное имя". Поэтому категории "потенциальная синтаксическая зависимость" здесь нет. Следовательно, у церковнославянского и праславянского имен разные парадигматические схемы. За счет этого усложнились правила выбора "зависимой" словоформы /см.п.п. 6-9/ причем выбор может определяться стилистическими задачами.

20. Назовем длиной конструкции количество таких символов из этой конструкции, каждый из которых непосредственно "зависит" от предыдущего /"главный" символ записывается левее "зависимого"/. "Главным" символом всей конструкции назовем такой символ, который не "зависит" ни от одного другого символа.

В праславянском языке конструкции с главным символом N /N – "субстантивное имя"/ длиной более единицы запрещены; исключение составляет конструкция N⟶A⟶Adv /⟶Adv/ / A – "адъективное имя"/.

---

[1] Ср. мнение И.И. Ревзина /И.И. Ревзин. К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. – "Исследования по структурной типологии", М., 1963/ и устройство Словоуказателя к Усп. сб. /"Успенский сборник XII–XIII вв." М., 1971/.

В церковнославянском языке конструкция с "главным" символом N может быть сколь угодно большой длины:

$N \longrightarrow N_{gen} \longrightarrow N_{gen} \longrightarrow \ldots \longrightarrow N_{gen}$, ср. примеры /50/, /51/.

21. В праславянском языке "субстантивное имя" и глагол отличаются друг от друга способом заполнения валентностей. В церковнославянском языке, где есть конструкция $N \longrightarrow N$ это различие не столь безусловно.

22. Из церковнославянского языка правила 2 и 3 и, следовательно, конструкция $N \longrightarrow N$ могли быть заимствованы праславянским, т.е. разговорным, языком. Покажем, при каких условиях это заимствование типологически возможно.[1]

По Б.А.Успенскому[2], слова в языке распадаются на классы, так что в каждом классе по определению выражена его функция. Функция класса слов определяется по его сочетаемости с другими классами слов, выделяющимися в языке. Сочетаемость класса слов может быть описана через отношения эквивалентности вида $YZ \longleftrightarrow Z$, т.е. через эквивалентности, на основании которых можно производить свертывание и развертывание конструкций./например, формула $AN \longleftrightarrow N$ означает, что существительное может быть развернуто в сочетание существительного с прилагательным, а это сочетание,в свою очередь,может быть свернуто до существительного/.

Из определения класса следует, что если бы у двух классов функция была выражена одинаково, то они совпали бы.

В праславянском языке имеются классы V, N, A, характеризующиеся, в частности, такими правилами эквивалентности:

$AN \longleftrightarrow N$

$VN \longleftrightarrow V$ /дополнение V /

$NV \longleftrightarrow V$ /определение V /

[1] Что касается церковнославянского, литературного, языка, то он, по-видимому, мог заимствовать эту конструкцию из греческого и без выполнения этих условий. По-видимому, зд. достаточно того факта, что греческий язык для славянских переводчиков являлся сакральным.

[2] См. : Б.А.Успенский. Структурная типология языков. М., 1965.

Если бы правила эквивалентности для праславянского языка исчерпывались этими тремя, то заимствование конструкции N⟶N и сосуществование ее с конструкцией N⟶A было бы невозможно: к имеющимся правилам прибавилось бы правило NN↔N и классы A и N совпали бы. Но в праславянском языке есть или появляется и такое, например, правило: AN↔A /лицемъ красьнъ/ и поэтому с появлением правила NN↔N классы A и N совпасть не могут[I].

Автор глубоко признателен Р.И. Аванесову - научному руководителю работы, В.Ю. Розенцвейгу, читавшему рукопись статьи и сделавшему по ней ряд замечаний, и Б.А. Успенскому, обсудившему с автором первоначальный вариант работы.

[I] Примером языка, в котором не могут сосуществовать конструкции N⟶N и N⟶A, может служить детский русский. По данным А.Н.Гвоздева /см. А.Н.Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М.,1961/, прилагательное в речи ребенка появляется поздно. До 2 лет в детском языке нет конструкции N⟶A, но есть конструкция N⟶N, ср.: Дробы чашка, куклы шляпа. Когда же в речи ребенка появляется прилагательное, и, следовательно, конструкция N⟶A, то конструкция N⟶N пропадает почти полностью; ср.: машинский поправляльщик /поправляльщик машин/, столбинная тень /тень от столба/, в скрышном вагоне /в вагоне с крышей/. Это объясняется следующим: до появления в детском языке класса A, в нем есть классы: V, N, Adv, характеризующиеся следующими правилами эквивалентности:

VN↔V
NV↔V
Adv↔V
NN↔N

С появлением класса A имеем правило AN↔N. Это правило нельзя просто добавить к предыдущим, т.к. тогда классы A и N совпадут. Следовательно, если в таком языке появляется класс A /и правило AN↔N/, то из него исчезает правило NN↔N.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

А I3422 от I3.I0.75 г. 4,25 п.л. I90 экз. Зак. 966

Тип. МГПИИЯ

Бесплатно